

Андрей
Воронов-Оренбургский

ФАТУМ

ТОМ ШЕСТОЙ
ФОРТ РОСС

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский Фатум. Том шестой. Форт Росс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50406886

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-07816-1

Аннотация

1815 год. В результате революции в Мексике русско-американским колониям грозит война. В Калифорнию отправляются два посланника – из Мадрида и Санкт-Петербурга. Каждый из них везёт секретные директивы, способные предотвратить нарастающий конфликт. Но вмешиваются третьи силы, и коронных гонцов подкарауливает смертельная опасность на каждом шагу. «Фатум» продолжает традиции старых добрых романов, невероятно насыщенных событиями, географическим размахом путешествий, калейдоскопом ярких персонажей. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 5 Гордиев узел	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	64
Глава 8	74
Часть 6 Цель оправдывает средства	84
Глава 1	84
Глава 2	97
Глава 3	106
Глава 4	125
Часть 7 Чёрная свеча	140
Глава 1	140
Глава 2	147
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Андрей Воронов- Оренбургский Фатум. Том шестой. Форт Росс

России посвящается

*Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленной Аляски.
С. Марков. «Предки»*

Часть 5 Гордиев узел

Глава 1

Это мой гордиев узел...¹ Но я не сын Филиппа, не царь Фригии...² Хватит ли у меня сил рассечь этот узел?» – Хуан де Аргуэлло смочил пересохшее горло «Шато ля фит»³ и отложил на стеганую подушку сиденья кареты фляжку. Дорога из Кармела в Монтерей располагала к раздумьям.

¹ Гордиев узел (миф.) – чрезвычайно запутанный узел, которым, согласно легенде, царь Фригии Гордий (в храме Зевса) привязал ярмо к дышлу колесницы. Оракул предсказал, что тот, кто развяжет сей узел, станет властелином Азии. Александр Македонский, дабы исполнилось это пророчество, вместо распутывания разрубил узел мечом.

² Александр Македонский – сын царя Филиппа (356—323 до Р. Х.); воспитан Аристотелем; с 336 г. царь Македонии; подавил возмущение греков; покорил варваров на Дунае; в 334 г. переправился через Геллеспонт; разгромил полчища персов при Гранике, Иссе, Арбеллах; завоевал Малую Азию, Палестину, Египет, Персию и крупную часть Индии; основал свою резиденцию в Вавилоне, где и скончался. Ранняя смерть помешала ему организовать покоренные области, но походы Александра имели огромное значение в смысле ознакомления европейцев с азиатской культурой, и в значительной части покоренных областей при преемниках Александра водворилась греческая культура. К концу жизни Александр стал усваивать азиатские нравы – и вообще при его жизни азиатская культура часто еще брала верх над победившей ее впоследствии культурой греческой. (Прим. автора).

³ «Шато ля фит» – французское вино. (Прим. автора).

После отъезда русских послов всё в его жизни перевернулось с ног на голову. «Время вершит свой закон, горе и ночь сменяются днем и жизнью», – вспомнились ему слова падре Ромеро. Но вот прошла вторая неделя, а он так и не смог заставить себя вновь услышать веселый смех молодых крестьянок на рынке, не чувствовал вкус вина, совсем перестал замечать красоту и величие калифорнийских закатов. В глазах его было смятение, в движениях – плебейская⁴ суетливость.

Активная подготовка к войне с русскими – стягивание сил в Монтерей и к северным границам – успокаивала мало, да и не могла порадовать сердце старого губернатора, оттого как дела шли из рук вон плохо. Ко всему прочему, слухи о заговоре в Мехико, предательство Кальехи дель Рэя, отсутствие вестей от Луиса, глухая и вечная ссора старшего сына с младшим ввергали дона Хуана в отчаянье.

«Бедные дети... бедный наш дом... Еще эта война, гремучей змеей подбирающаяся к их семье...»

Эль Санто прикрыл уставшие глаза, прислушиваясь к монотонному поскрипыванию каретных рессор, выстрелам би-

⁴ Плебеи – 1) общее обозначение неполноправных римских граждан (за исключением клиентов), в противоположность патрициям. Класс плебеев образовался из добровольных переселенцев союзных с Римом городов и насильственно водворенных в нем жителей покоренного Лациума. Плебеи не пользовались никаким участием в делах государства до Сервия Туллия. С этого времени начинается постепенное, но неукротимое возрастание могущества и влияния плебеев, закончившееся тем, что в 494 г. до Р. Х., после удаления их на Священную гору, они были уравниены в правах с патрициями; 2) отсюда, в переносном смысле, обозначение простонародья, низшего класса общества. (Прим. автора).

ча возницы и влажному храпу лошадей.

«Поберегите своих сыновей, ваше превосходительство. Разве вы хотите, чтобы их невесты надели черное прежде, чем наденут белое? – встали в памяти слова коменданта.– Клянусь Богом: русские – это серьезный противник. Это те воины, которые делают честь воюющей с ними стороне... Но нужна ли она нам такой ценой?»

«Нужна ли нам честь и слава такой ценой?» – мысленно повторил дон, задергивая кружевной батист шторки. Солнце светило всё ярче, а он, напротив, чувствовал все большую слабость во всем теле.

У него едва хватало сил крепиться и бороться с мощной волной обрушивающихся вопросов. Однако неспособность решить их, найти нужный ответ лишь разжигала гнев и страстность его натуры, которые переходили в слепую, жгучую ревность, изводя старика на нет.

– Отец, если русские посмеют вступить в пределы Короны, они узнают вкус кастильской стали. Солдаты короля пройдут сквозь их укрепления как дождь сквозь солому. И вот наши шпаги, отец: с Божьей помощью наши кони будут пить воду из Славянки⁵.

– С Божьей помощью? Нет, дети мои, Господь здесь ни при чем, – так, кажется, ответил он тогда сыновьям, глядя в их горячие, молодые глаза. – И не стоит заверять, что вы при-

⁵ Славянка – река в Верхней Калифорнии (недалеко от форта Росс). После продажи русских колоний в Америке США название реки было изменено.

везете с поля боя казачью папаху, пику или гренадерский⁶ ремень.— Дон помолчал, не желая обидеть своих отпрысков, лишь нежно потрепал их за крепкие плечи, а сам с болью подумал: «Я буду благодарить небо, если им удастся вернуться живыми».

В карете стало прохладней. Слух дона Хуана различил крики птиц – экипаж въехал в лес. Дорога и здесь была славно наезжена; воздух пропитан ароматами растущих по обочинам олеандров и бугенвилей. Яркие птицы трещали и щелкали среди густой зелени листвы, но, как и все птицы Юга, не выводили нежных трелей, о чем искренне сожалел дон. Прожив в Калифорнии не один год, он так и не смог свыкнуться с тем, что каждый новый день здесь, в мягком, благодатном крае, рождался прохладным, как в родной Испании, но вскоре, не дожидаясь и полудня, неизменно наполнялся плавающим, ослепительно золотым зноем.

Де Аргуэлло приоткрыл дверку экипажа, любуясь тенистым покоем леса. Прозрачный, пронизанный солнечными нитями воздух был напоен густым дурманящим ароматом ярких соцветий. Казалось, он весь дрожал и пульсировал от множества летающих лесных бабочек и мотыльков. Всё жило вокруг кипучей, лихорадочной жизнью, точно стремясь наверстать потерянные часы долгой ночной спячки.

⁶ Гренадеры – учреждены при Людовике XIV для бросания зажигательных гранат при наступлении; позже – особые отборные войска; в просторечии – люди высокого роста. (Прим. автора).

– Боже, как прекрасен мир!.. Как божествен замысел... Nonny soit qui mai у pense⁷ – по-французски вырвался старый девиз.– И ужели война?.. – Эль Санто обхватил голову.– Дети, мальчики мои, я всегда хотел воспитать вас умнее и лучше меня, но увы... в моем доме тишина и холод. Любите друг друга, умейте прощать необдуманные поступки, слова... для меня вы одинаково дороги, как и ваша покойная мать... Как пальцы на руке: руби любой – одинаково больно и жалко! Ох уж эта гордыня – наша фамильная черта... Против спеси и глупости сами боги борются бессильны.

Губернатор вновь тяжело вздохнул, мысленно вспоминая родные лица детей. «Луис, Сальварес... – слезы затуманили взор отца.– Слезы – это хорошо, сильные люди никогда не скрывают их. Да, да... так говорит Ксавье, так говорит отец Ромеро».

Но сейчас этот довод не утешал Эль Санто. Горячая испанская кровь бунтовала, противилась правде смирения. «Если я не сумею взять себя в руки... Если я не за себя... то кто же за меня? А если я только за себя, тогда зачем я? Нет, нет, каждый принимает конец своего кругозора за конец света. Эта слабость, непростительная слабость. Ты должен стоять до конца, amigo⁸! Ведь это ты отказался ратифи-

⁷ Nonny soit qui mai у pense – «пусть будет стыдно тому, кто подумает об этом дурно» – надпись на английском ордене Подвязки. (Прим. автора).

⁸ Amigo – друг (исп.).

цировать⁹ сдачу северных территорий Новой Испании... Ты отказал русским послам, взвалив на себя крест ответственности... Но позвольте, как же иначе? Как?!» — губернатор сжал в отчаянии пальцы, блеснув перстнями.

– Ужели правы те, кто говорит: «Эпоха кончается в тот момент, когда умирает иллюзия, с ней связанная»? Нет, я не верю, величие Испании – это не иллюзия. Это лишь иудеи и безродные янки, невежественная хитроныряя рвань может считать одну страну лучше другой. Да минует меня чаша сия... Да, пожалуй, бывали времена и хуже, но, верно, не столь подлые! Если человек теряет достоинство, честь, он перестает быть человеком, а дворянин — идальго¹⁰. А что ныне? На эти святые каноны плюют и улыбаются!

Дон Хуан скорбно замолчал, представив герцога Кальеху, старого друга и единомышленника, а ныне изменника.

– Святая Анна, я не хочу в это верить. Но почему молчит Мадрид? Почему из Мехико до сих пор нет гонца?! Ужели прав был Сальварес?.. И из всего этого дела торчат уши и хвост вице-короля? Иезуитов?.. Нет, нет, он мой близкий друг, как можно – дворянин!.. Человек не опускается столь низко, чтобы нельзя было подняться вновь. Господь оберегает нас, дает возможность... Но для кого тогда создан ад?

⁹ Ратификация (лат. ratificatio < ratus решенный, утвержденный + facere делать) – утверждение органами верховной государственной власти международного договора, заключенного уполномоченными договаривающихся государств.

¹⁰ Идальго (гидальго) (исп. hidalgo) – испанский дворянин.

Опять не прав... Всё это вздор, amigo. Ну что ж,— Эль Санто обреченно покачал седой головой.—Вре-мя рассудит... Но лик оскорбленной Испании заставляет меня лично сделать свой выбор. Если герцог Кальеха дель Рэй изменник, он должен быть свергнут. Корона Мадрида в грязи, и мы, сыны Испании, обязаны поднять ее святым мечом и опустить на голову достойного вице-короля.

И пусть погибнет много солдат... Все знают: дон Хуан де Аргуэлло не торгуется, когда речь идет о победе. Испания всегда могла топить свою конницу в реке и делать из трупов мосты, если того стоила минута истории. Смерть соединяет великих и малых. Могила объединяет их. Но тот, кто спасает границы Короны, не преступает закона. Да, мои сыновья — мое будущее и надежда... Но лучше пусть они будут мертвы, чем увидят позор поражения. «Интересно, что скажут об этом потомки? — дон Хуан мрачно усмехнулся, вглядываясь невидящим взором в мелькавшую за оконцем темную листву.—Не знаю. Но знаю другое: отступающая армия редко говорит лестные слова своим командирам... А правители неудачников заносят в черные списки».

Эль Санто покачал головой и как-то странно огляделся, будто впервые ехал в салоне своего губернаторского экипажа. К вечеру он доберется до Монтерея, конечно же, соберет совет офицеров, будет непростой разговор... Нет, он не клюнет на лестное благоприятство их слов и вечное желание быть замеченными. Все будет подчинено задаче момен-

та. Прочь, светское пустозвонство кабильдо!¹¹ Сам он возьмет на себя смелость действовать именем короля и именем Испании.

Дон Хуан улыбнулся, вспомнив лицо де Хурадо, когда они возвратились из Сан-Луис-Обиспо с падре Ромеро и оставшимся в живых молодым рейтаром¹² Торресом. Хмурый лик коменданта и его мундир были одинакового буро-желтого оттенка долгой и пыльной дороги...

– Всё же славный он у меня, – вслух продолжил свои рассуждения губернатор. – Вряд ли из лести, может из страха, нет, думаю, по чести и совести держит Ксавье мою сторону... Умеет защищать безнадежную позицию... Пожалуй, стоит повесить его в звании, обязательно стоит. Да и другие рейтары с моих земель смелые, отчаянные парни... Во всяком случае, уж не хуже хваленых шотландцев, этих «амазонок в юбках», и уж тем более – русских бородачей. Для многих из них я не только командир, но и... «отец»...

Де Аргуэлло вновь усмехнулся в седые усы эспаньолки¹³, вспоминая жаркие ночи своей молодости. Однако свет при-

¹¹ Кабильдо – совет, состоящий при каждом губернаторе или штатгалтере, в который входил и правящий епископ. (Прим. автора).

¹² Рейтар, рейтер (нем. Reiter всадник) – средневековые конные наемные войска в Западной Европе. Позже это название закрепилось в разговорной речи за всеми видами кавалерии: гусары, драгуны, уланы, кирасиры и т. п. (Прим. автора).

¹³ Эспаньулка (фр. espadon испанский) – короткая остроконечная борода. (Прим. автора).

ятных воспоминаний был недолог и ломок.

– Ты понимаешь, что война в колониях может привести к новой бойне в Европе? – тихо, почти неслышно спросил он себя. – О, это будет кровавый день...

– Да, сеньор, – согласился внутренний голос.

– О да, дети мои, – ответ непроизвольно сошел с его губ.

– Ты ратуешь за идею, Хуан, но при этом знаешь: люди, их будет много, и все они станут гибнуть по твоей воле? Разве иначе?

– Нет, – Эль Санто с глубокой серьезностью ответил сам себе. – Они будут гибнуть из чувства долга и чести. Потому как мои солдаты – это соль Калифорнии, Новой Испании...

– А может быть отступить, сберечь жизни, а значит —сберечь силу? Вдруг да сейчас хорошо всё то, что оттягивает время?

– Отступить?! – Эль Санто гневно и непонимающе усмехнулся своей мысли. – Мне далеко за шестьдесят, я старый солдат... И не меняю своих правил. Битвы, сражения выигрываются и проигрываются за четверть часа, мой друг, а ты убеждаешь меня растягивать на дни и месяцы? К черту! «Pour la bonne bouche!»¹⁴ – так, кажется, говорил самый великий похититель Европы?¹⁵ Его приказ был все-гда один: «Держать шпагу в спину неприятеля».

¹⁴ Pour la bonne bouche – на последнюю закуску самое лучшее (франц.).

¹⁵ Похититель Европы – одно из многочисленных прозвищ Наполеона. (Прим. автора).

– И он проиграл... Проиграл именно русским при Бородино¹⁶.

– Но был и Аустерлиц¹⁷, где самая лучшая кавалерия в Европе под самым плохим командованием была брошена в пасть Буонапарту¹⁸. Нет-нет, я не хочу внимать этот вздор

¹⁶ Бородино – село в Московской губернии, в десяти верстах от Можайска. Здесь происходила потрясающая кровопролитная бородинская битва между русскими и французами 26 августа 1812 г. Убитых и раненых в этом сражении насчитывают свыше 80 тыс. человек. (Прим. автора).

¹⁷ Аустерлиц – небольшой городок в Моравии; на время описываемых в романе событий насчитывал не более 4 тыс. жителей; здесь в 1805 г. Наполеон разбил наголову австрийские и русские войска, после чего по-следовал Пресбургский мир. Пресбургский мир был заключен в том же 1805 г., сразу после Аустерлицкой битвы, между Австрией и Францией, по которому было прекращено существование священной Римской империи и многие владения отняты у Австрии.

¹⁸ Буонапарт – корсиканская фамилия, к которой принадлежали французские императоры: Наполеон I и Наполеон III. Братья Наполеона I: а) Иосиф (Джозеф) Буонапарт (1768—1844), с 1806 г. король Обеих Сицилий, с 1808 г. король Испании, откуда изгнан в 1812 г.; б) Луциан Буонапарт, князь Канино (1775—1840), помог Наполеону I при перевороте 18 брюмера, позже поссорился с ним; крупный знаток литературы и искусства; оставил после себя несколько сочинений и мемуары; в) Людовик Буонапарт (1778—1846), в 1806—1810 гг. являлся королем Голландии, отец Наполеона III; был смнен своим братом в 1810 г. за недостаточное соблюдение континентальной системы; г) Жером Буонапарт (1784—1860), участвовал в войнах Наполеона I, в 1807—1812 г.г., король Вестфальский. Сын Наполеона I – Наполеон II («король римский»), герцог Рейхштадтский (1811—1832) не царствовал, скончался от чахотки. Сыновья Луциана Буонапарта: а) Карл (1803—1857), замечательный орнитолог (известный исследователь птиц Северной Америки); б) Пьер (1815—1881), прославился скандалами, буйством и убийством журналиста Виктора Нуара (1870). Сын Наполеона III Луи (прозвище «Лу-лу») (1856—1879) убит в Африке зулусами. Сын Жерома Буона-

русских. Музыка и знамена – что может быть для испанца прекрасней? Только победа! Клянусь Христом: здесь, в Калифорнии, русские – уже не тот сжатый кулак, что в России, а растопыренные пальцы. Ничего-ничего, мой друг, главное – быть верным себе и не менять принципов. *Fiat justitia, pereat mundus...*¹⁹ *Honores mutant mores...*²⁰ – дон Хуан промокнул платком лоб, кусая губы.—Никогда низость еще не взлетала так высоко! Все, все треплют льва за холку, пока не окажутся в его клыках. Ох уж эта человеческая гниль... Нет, подожди, *amigo*: а что если приезд русских послов в Монтерей был лишь ловким фарсом? И их намерения столь же далеки от действительности, как небо от земли? Русские, будь они прокляты... их всегда трудно понять... Но я не зря прожил жизнь: я не собираюсь метаться, как мокрая курица. У нас еще будет время подумать. Бояться стоит только измены... Выиграть войну несложно, если тебе не мешают. Надо убедить союзников англичан. Русские для них то же, что гвоздь в сапоге... Да, да... Хотя всё это непросто... Тем более, когда вокруг тлеют угли предательства... Но, черт возьми, мой верный боевой друг, полковник Бертран де Саес де Ликож,

парта Жозеф-Шарль-Поль (прозванный «Плон-плон») (1822—1891) принимал активное участие в Крымской и Итальянской войнах, где прославился трусостью («*craint-plomb*»). Его сын Виктор ныне глава фамилии Буонапарте. (Прим. автора).

¹⁹ *Fiat justitia, pereat mundus* – «Да свершится правосудие, хотя бы мир погиб» (лат.) – выражение, приписываемое императору Фердинанду I.

²⁰ *Honores mutant mores* – почести изменяют нравы (лат.).

его стальная колонна, его «красные кисти» – первый батальон —лучшие из лучших гренадеров полка... Их штыки, конечно, придут на помощь и разобьют русских, как разгромили повстанческие орды на юге, при Керетаро, Сан-Педро де ла Колоньяс и Ситакуаро!

Глава 2

Эль Санто вдруг осекся, словно какая-то жизненно важная жилка оборвалась в нем. Серый луч растерянности скользнул по его породистому лицу. Ему было странно слышать свой внутренний голос, свой монолог, свои доводы. Ему стало душно и неудобно в карете, точно она была клетью; всюду было нехорошо и скверно. «Нет покоя, о Господи», — он торопливо и неловко расстегнул перламутровые пуговицы манжет, ворот, растер грудь и только тут с щемящей душу болью понял: все его аргументы, захлебывающийся пафос риторики, утверждения, страстный разговор с самим собой исходят из томительного страха перед грядущим днем.

– Но это... это же столь ужасно! Я не хочу, я не желаю сделать боль моему народу... Отчего же всё это? Отчего такой Рок?.. *Mater dolorosa*...²¹ И это всё на старости лет... В юности еще можно жить в свое удовольствие, а в старости — уже нужно. А у меня?..

Губы губернатора сложились в скорбную линию, как в мгновения самых тяжелых утрат, по изрезанной морщинами бледной щеке скатилась слеза. Он попытался хоть как-то улыбнуться, сбросить с себя чары Фатума, но улыбка получилась сломанной и лишь сильнее исказила его черты.

– Иисус Спаситель, заклинаю всеми святыми, не оставляй

меня... – пробормотал он, что вырвалось само.– У англичан есть пословье: если правила игры не позволяют вы-игрывать, джентльмены меняют правила... А что менять мне? Я всегда полагал, что театр военных действий будет на территории врага, и только. А выходит... – старик сце-пил зубы, мучительно закрывая глаза. Он трезво, без прикрас оценил диспозицию²² своих сил: она была проигрышной.

Двести солдат, из которых одна треть уже была такими же стариками, как он, более двух десятков калеки... Да, было еще ополчение, но он никогда не зрел такого сборища сосунков и самонадеянных старых индюков... им можно было только доверить отлавливать одичавший скот да рубить лес для строительства верфи...²³ Оставались еще его сыновья и их «летучие эскадроны»... А что до регулярных роялистских²⁴ войск, до стальной колонны полковника Бертра-на и его «красных кистей»... Губернатор не смог сдержать отчаянья – спустил собак, крепко выругавшись сол-датской бранью. «Всё глупо, дьявольски глупо... До Монтерея путь

²² Диспозиция (лат. dispositio – расположение) – 1) план расположения кораблей или войск на стоянках; 2) письменный приказ военным соединениям для боя или для выполнения походного движения (марша) в боевой обстановке. (Прим. автора).

²³ Верфь – специальное место со всеми необходимыми сооружениями для постройки и починки судов.

²⁴ Роялисты (фр. royaliste < roi – король) – монархисты, ярые приверженцы королевской власти; реакционер – термин, вошедший в употребление в Западной Европе со времен Французской буржуазной революции.

неблизкий – в шесть, семь походов на марше... им ни за что не поспеть к началу бойни».

Эль Санто до рези в глазах, до дрожащих век представил разлапистые, дымные, черные кусты взрывов, услышал грозное шипение барабанной дробы идущих в атаку русских grenадеров, холодное и жаркое мерцание штыков, срывающийся крик у крепостных орудий: «Вторая, третья, по пехоте картечью – огонь!»; стоны и хрипы раненых, забиваемые грохотом и свистом скачущих казаков; измазанные пороховой гарью лица, пробитые кивера, забрызганные кровью кирасы...²⁵ Он даже увидел, только не разглядел лица, как кто-то дико визжал и плакал, когда его тащили за отрубленную культю по горящей, дымящейся земле, угоняя в полон; как всё вдруг заштриховалось сыпящейся с неба мертвой землей... а потом из огня и дыма показались свежие цепи русских; и падающие под их свинцом и сталью его драгуны... Уже горела пристань... Бой шел у северной башни... Кто-то рыдал у его ноги, обхватив руками сапог. На пыльных щеках слезы промыли грязные кривые следы. Арсенал рванул, разбрасывая расплавленный металл дождем серебряных реалов.

– Господи, пастырь мой! – Монтерей лизало оранжевое свечение пожара, жемчужно-серый дым поднимался к

²⁵ Кираса (фр. cuirasse) – металлические латы, надевавшиеся на спину и грудь для защиты главным образом от ударов холодного оружия: сабель, палашей и т. п.; к началу XX в. сохранились в кавалерии некоторых европейских армий как принадлежность парадной формы. (Прим. автора).

небу... Раненых с безумными глазами на ружьях и ремнях вытаскивали свои... и где-то там, в мясорубке, чавкающей кровью, были... его мальчики – Луис и Сальварес...

– Прочь! Прочь! Они не смеют нас более атаковать! Дети мои! – дон испугался своего голоса, он был жалкий и хрупкий, как фарфоровая ручка чашки.– Неужели это случится?.. Война... – груз сей мысли, казалось, раздавил де Аргуэлло.– Боже, солдаты Бертрана де Саеса де Ликожа, этого преданного Испании француза, могут прийти уже к сожженному Монтерею... к грудам пепла и трупов, которыми будет завалена эспланада²⁶ его фортеции... А сыновья? Мать Мария, ведь у меня даже нет внуков... Кто? Кто продолжит наш род? В чьих жилах будет биться кровь благородных идалго де Аргуэлло?

* * *

– Ваше сиятельство,– за каретной дверкой послышалось бряцанье шпор и стремян.– Прошу покорно простить меня, что без стука.

– Да нет, вот чего другого, а стука было довольно, корнет,– губернатор недовольно глянул на Торреса, того самого молодого драгуна, которого вместе с Ксавье и падро Ромеро спас его младший сын.– Ну, что же вы замолчали, корнет, как де-

²⁶ Эспланада (фр. esplanade) – 1) военное незастроенное пространство между крепостью и ближайшими городскими постройками или за городской стеной, подчиняющееся некоторым ограничениям в интересах крепостной обороны (воен.); 2) площадь перед большим дворцом, зданием; 3) широкая улица с аллеями посередине. (Прим. автора).

вица? Вы знаете, с какой яростью русские идут на смерть?

– Никак нет, ваше сиятельство! – Торрес, рьяно держась в седле, был явно смущен. Желание напомнить губернатору его же личную просьбу, похоже, не встретило участия.

– Стыдно, корнет! Солдат без смекалки – как кружка без вина. Вы скоро будете представлены к четвертому обер-офицерскому чину²⁷, а держите рот на замке... Вы хоть живы там, Торрес?

– И хочу жить дальше, ваше сиятельство! Не знаю, как русские, но испанцы в атаке львы. Разрешите доложить?

– Вот это другое дело. Докладывайте.

– Ваше сиятельство, в Кармеле вы приказали напомнить вам, когда будем проезжать поворот на асьенду сеньора Ласаро де Маркоса.

– Благодарю вас, Торрес. Прикажете свернуть. Я должен непременно его навестить.

– Слушаюсь!

– Сигару, корнет? – губернатор приподнял серебристую бровь.

– Никак нет. У меня свои.

²⁷

К четвертому обер-офицерскому чину (в кавалерии) приравнивались командиры эскадрона, что соответствовало званию ротмистра. Для сравнения: хорунжий в иррегулярных войсках занимал нижний офицерский чин, соответствующий лишь четырнадцатому классу. У малороссийских казаков хорунжим назывался хранитель войскового знамени. В Польше должность хорунжего (знаменосца) существовала с XII в. В регулярных войсках четырнадцатому классу соответствовало звание корнет (в кавалерии), прапорщик (в пехоте). (Прим. автора).

– А-а, ну-ну...

Торрес пришпорил коня, карета круто свернула с дороги.

* * *

Еще четверть часа или около того они были в пути —карета Эль Санто и небольшой отряд драгун, семь человек. Наконец показалась асьенда Ласаро де Маркоса, чудом уцелевшая от разграбления и огня инсургентов. Как и многие другие дома в Калифорнии, он был выстроен из мягкого белого туфа, но выглядел весьма крепко и благородно – дом, который стоит уже много десятилетий и простоит еще больше.

Кавалькада миновала персиковую рощу и оказалась перед красивыми деревянными воротами, над коими красовался кованый родовой герб, правда, крепко засиженный птицей и увитый буйным плющом.

– Эй, открывайте! – прокричал Торрес и настойчиво постучал эфесом в двери.

* * *

Сеньор де Маркос был в меру радушен и щедр. Радость, светившаяся в его ячменных глазах, не была лицемерной. С доном Хуаном его объединяли седины, вдовство и забота о детях. И если дом Эль Санто был богат звоном шпор, трубками и смехом сыновей, то дом Ласаро мог по-хвастать нежными голосами дочерей и мягкими звуками гармоники²⁸, хру-

²⁸

Гармоника – музыкальный инструмент, изобретенный Делавалем и усовершенствованный Франклином; состоит из стеклянных пластинок или колокольчиков, причем звуки извлекались дотрагиванием влажными пальцами; это дотрагивание впоследствии было заменено устройством клавишей. (Прим. авто-

стальные переливы которой волновали и завораживали души слушателей.

– Слава Иисусу Христу, дорогой Ласаро!

– Во веки веков, дон Хуан,– откладывая щипцы и орехи, протянул руки для дружеских объятий хозяин дома.—Какими судьбами, мой друг? Что привело тебя ко мне в столь тревожное время?

– Об этом позже,– старинные друзья в сопровождении двух слуг чиканос миновали открытую прихожую и оказались в просторной зале, где когда-то частенько проходили званые вечера и пиршества. Пол здесь был из каменных плит, а обшитый лимонным деревом потолок придавал мягкость и уют большому пространству. Искусная ручная резьба на балках и балясинах широкой лестницы, ведущей на второй этаж, придавала всему залу нарядный, торжественный вид. У северной стороны из двух рядов кварцевых плит был сложен просторный подиум²⁹, за ним огромный, отчасти тяжеловатый камин, а на возвышении —длинный обеденный стол, который уже уставлялся сосудами и блюдами из черного серебра.

– Эй, Мачо! А ну-ка, принеси, детка, свежих фруктов и красного вина. И не спорь с теткой Розы, корзину возь-мешь

ра).

²⁹ Подиум (лат. podium) – 1) в древнеримской архитектуре – основание храма со ступенями на торцевой стороне; в древнеримском цирке – возвышение с креслами для императора и других высокопоставленных лиц; 2) возвышение на эстраде, стадионе, в зале, в студии художника, скульптора.

сам, у нее болят ноги. Только смотри, не усни на пороге, чтоб я не посылал за тобой Мануэля с собаками. Ох уж, эта прислуга, сеньор де Аргуэлло,— Ласаро жалобно изломил брови и хлопнул себя по бедрам руками.— В наше время за этими лентяями нужен глаз да глаз. Эти метисы — настоящие вертушки и воры, и чтобы спознать, что эти бестии замышляют, нужно смотреть в оба и держать плеть под рукой. Право, уж лучше б они были неграми, мой друг. Садись за стол... Сигары?.. Прошу, это лучшая свертка, из Кубы... Да-да, осталось чуть-чуть... А какой аромат! Кстати,— сеньор де Маркос торопливо отрезал кончик сигары.— Не верь никому, amigo... Воск и скипидар — вот из чего получается настоящая смесь для полировки. Всё остальное — подделка и враки. Я как-то на досуге сам делал этот состав. А вот и вино, не беспокойся, твоих молодцов я не забуду... Сыр, мясо, тортильи, вино...

Эль Санто не перебивал и не пытался остановить суетливую болтовню Ласаро. Напротив, в пене этих обычных будничных речей, не связанных ни с войной, ни с предательством, он чувствовал облегчение. Этот милый добряк Ласаро рассеял его жуткое и холодное ощущение, кое вселили в него путевые раздумья. От него, казалось, исходил здравый смысл, и может быть потому, что долгая дорога утомила губернатора, ему было приятно это чувствовать.

— Ваш коррехидор³⁰, проезжая третьего дня мимо, сказал:

³⁰ Коррехидор — «городничий», надсмотрщик. Равно как десятник в русских селах — старший в рабочей артели; низшая степень надсмотрщика (либо

«Русские накопили столько оружия на Аляске, что могли бы начать войну в наших колониях». Это правда? —сеньор де Маркос осторожно поставил вино, принесенное слугой, перед гостем.— Он также сказал, что главные их силы в Ситке... Здесь, в Калифорнии, они показывают нам только фасад. Русские хитры, как и их комендант форта Росс господин Кусков. Кстати, ваш коррехидор поведал, что с батареей пушек этот Кусков обращается так же легко, как с пистолетом. Прошу вас, испробуйте вина – это солнечный нектар с моих виноградников.

– А вы? – дон Хуан, развалившись в кресле, поднял кубок.

– О, нет. Я более не употребляю. С того дня как мой желудок... Я начинаю быть взвинченным... нервы ни к черту...

– Тогда кофе?

– Воздержусь, ваше сиятельство.

– Может быть, персиковый или апельсиновый сок?

– Я, знаете ли, более предпочитаю молоко.

– И только?

– О, да...

– Ну, с этим можно подождать. Попробуйте успокоить себя, уважаемый Ласаро, как-то иначе. Вам более ничего не сообщал этот болтун с нашивками капрала?³¹

десятский – в селах низший полицейский служитель по наряду от обывателей). (Прим. автора).

³¹ Капрал – унтер-офицер (второй по старшинству солдатский чин; первый – ефрейтор, третий – самый старший – фельдфебель). (Прим. автора).

– Ad majorem Dei gloriam...³² более ничего. Los padres!³³

Разве он открыл какой-то секрет?

– Если и нет, то, один черт, этому полукровке стоило держать рот на замке. Нет, эти метисы – они неизлечимы, Ласаро. Вся их жизнь от рождения до смерти или до местного «дома нунция»³⁴ проходит в болтовне. Я уже три-жды пожалел, что вручил ему капитанскую трость³⁵. Но я не какой-ни-

³² Ad majorem Dei gloriam – «К вящей славе божьей» (лат.).

³³ Los padres – святые отцы (исп.).

³⁴ «Дом нунция» – приют для умалишенных. Первый такой дом был основан в XV в. в Толедо папским нунцием Франсиско Ортисом.

³⁵ Капитанская трость – «...в редуциях и пресидиях Латинской Америки, в городском храме происходили церемонии «избрания», т. е. заблаговременно намеченной и утвержденной губернатором и священством индейской администрации: коррехидора – городничего, его помощника — тениэнте, альфереча – полицейского (жандармского) комиссара, элькада – судьи-следователя, фискалов – управляющих земледельческими общинами и промышленными мастерскими, различных капитанов-старшин, начиная от четочного (токари в редуциях специализировались преимущественно на выделке четок, и потому их старшина именовался «четочным капитаном»), плотничьего, серебряных дел, ткацкого, башмачного, музыкального, и кончая капитаном погонщиков мулов. Выбирались также советники, секретари – все по чиновничье-бюрократическому образцу метрополии. Церемония представляла весьма пышное и торжественное зрелище. Избранным тут же вручали трости с серебряными и бронзовыми набалдашниками, как символ их власти и высокого достоинства. А в более поздний период они стали возводиться в некоторых государствах Латинской Америки даже в дворянское достоинство с разрешением носить шпагу или кинжал; одновременно их освобождали от публичных наказаний. Всё это не могло не льстить новоиспеченным идальго. Делалось это по вполне понятным причинам: испанцы, даже при всей своей сноровке и энергичности, не могли обеспечить той ритмичной, напоминавшей часовой механизм жизни в глухих провинциях Новой Испа-

будь грязный галионист³⁶, и сумею навести порядок. Или вы думаете, любезный де Маркос, я уже... стою у порога Вечности и труд мой завершен? Нет, и еще раз нет. Да, Калифорния велика... А мы уже близимся к тому возрасту, amigo, когда сможем управляться только с платком... Кто сбережет этот край – ты это хочешь сказать мне? Не отводи глаза и не перечь, я вижу, сие так... Но знай, покуда я жив – рука моя тверда, как и воля. И я еще лично смогу, невзирая ни на какой местный «конклбв»³⁷, поставить непослушным на лбу клеймо «эсклбво»³⁸. Да, наш край беспокойный, точно клокочущий на костре котел с водой! Впереди тяжелые испытания... Но когда придет время убивать врага или судить дезертиров, кто-то должен будет сказать, кого и как убивать. И имя его — Закон. Здесь, Ласаро, у меня свой закон – совесть. Она ни разу еще не подводила меня.

«Что ж, у собаки тоже есть свое чутье, но звериное», — подумал хозяин, но благоразумно промолчал, подливая губернатору вина из кувшина.

– Я предлагаю тост, мой друг, – рука дона Хуана тепло опустилась на плечо сеньора де Маркоса, – за победу! Si vis

нии. Они были лишь ключом к нему. Пружинами и приводными ремнями служили касики – коррехидоры, действовавшие по их строгим указаниям». (Бончковский И. «Отцы-иезуиты»). (Прим. автора).

³⁶ Галионист – негоциант, ведущий торговлю с Новым Светом.

³⁷ Конклав – собрание кардиналов для выборов папы.

³⁸ Эсклаво – по-испански означает «раб» и графически состоит из латинской буквы s (эсе), перечеркнутой гвоздем (клаво). (Прим. автора).

расет, para bellum!³⁹ Смерть русским! – кубок коснулся губ Эль Санто, но неожиданно замер.– Ты не выпьешь даже за это?

– Мне не нравится тост, ваше сиятельство. Да, я старый солдат, но не убийца. И потому не смею торжествовать вместе с вами.

– Хм, похвально,– де Аргуэлло сделал глоток,– но не умно.

– Но эта война абсурдна, ваше превосходительство,– Ласаро по-военному обратился к Хуану.– Разве вы не знаете реальное соотношение сил? Русские быстрее доставят подмогу в форт Росс, прежде чем из Мехико...

– Довольно! Не забываетесь, майор. Война не может быть абсурдной. Абсурдно ваше заявление...

– Нет, друг мой,– де Маркос взволнованно, но решительно посмотрел в глаза сосебедника.– Данная война —это высшей степени глупость. Разве сами русские жаждут ее? Уверен, нет! Я отказываюсь принимать участие в этой бойне.

– Вы не можете отказываться, майор. Честь омывается только кровью, иначе вы не испанец, не дворянин, а более – не друг мне! Солнце уже давно взошло, а позор над Новой Испанией еще не рассеян.

– Подождите, подождите, ваше сиятельство! – лицо де Маркоса сделалось бледным, руки вцепились в резной край стола.– Я думаю...

– Мысли не есть доказательства, Ласаро. А то, что касается ума, то знай: тот, кто не умеет действовать, тот не умеет и думать. Кстати, как ни прискорбно, думающий всегда получает меньше делающего, а делающий – меньше пользующегося. Так что советую вам, уважаемый, пользоваться моим расположением к вам и помнить о светлых днях нашей прежней дружбы. Мы не из тех ловкачей, кто для других создает правила, а для себя исключения. Это не наша политика, майор.

– Быть может, – Ласаро, плюнув на советы врачей, налил себе полный кубок вина, выпил его чуть не до дна и задумчиво молвил:

– Ты знаешь, как я ценю и уважаю тебя, Хуан, наша молодость прошла бок о бок, но...

– Что «но»? – глаза Эль Санто горячо блеснули.

– В свое время король Англии Ричард⁴⁰ провозгласил: «Либо я поставлю крест над Иерусалимом, либо его поставят на моей могиле». Увы, ты знаешь эту печальную историю... Его водрузили на его могиле. Не торопитесь клясться, ваше превосходительство... Соль сего разговора должна быть одна – правда и здравый смысл.

⁴⁰ Ричард I – Львиное Сердце, английский король (1157—1199 гг.) взшел на престол в 1189 г.; с невероятной отвагой, хотя и без окончательного успеха, совершил III крестовый поход против сарацин, но по пути домой был взят в плен Леопольдом Австрийским. Позже, получив свободу, воевал с Филиппом-Августом (1194 г.) и трагично погиб от раны в спину, полученной в кровавой расправе с виконтом Гидомаром-Лимонским. (Прим. автора).

– Что предлагаешь? Я тоже на стороне истины.

– Тот, кто не помнит истории, тот обречен повторить ее.

Но мы, я полагаю, помним всё. Не правда ли, брат-ское занятие – убивать друг друга? Русские всегда были нашими хорошими соседями, разве не так? А сейчас ты сам первый, из-за того дикого случая на Славянке, хочешь бросить на них всех своих драгун?.. О, это серьезное и опасное дело...

– А мы здесь и служим, Ласаро, чтобы решать сложные и опасные дела. Долг платежом страшен. Это они первые обвинили нас в убийстве их казаков. Но ты же знаешь, что этого не могли сделать мои солдаты.

– Угомонись, терпение, Хуан. Да, твоя рука в этих местах – рука Бога, но... Время сглаживает всё...

– Кроме морщин,– усмехнулся де Аргуэлло, прикуривая сигару.– Ты хочешь предложить мне, старина, ждать, когда они осадят наш Монтерей?

– Нет, но послать своих визитеров. Плохой мир лучше хорошей войны – это древняя истина.

– Возможно, опыт увеличивает нашу мудрость,– Эль Санто выпустил голубое плотное облако дыма,– но не уменьшает нашей глупости. Хотя я понимаю тебя и, право, сам боюсь допустить смертельной ошибки. Господи, что будет с нами, чего ожидать завтра?.. Но почему именно теперь? Знаешь, Ласаро, я сейчас почему-то вспомнил могилы наших друзей... Сколько их было в походах: палка с привязанной накрест шпагой...

– В том-то и дело... Мы видели слишком много смертей, но тогда мы были молоды и сильны... А ныне я хотел бы, чтобы и мы оба, и наши дети чувствовали жизнь.

Глава 3

Время было собираться в путь, но дон Хуан оттягивал эту минуту. Разговор распался, каждый думал о своем, попивая вино, глядя на темнеющий пепел неба.

Часы истории отсчитывали свои стремительные секунды. Век для человека – секунда для истории, век для истории – мгновение для вечности.

Разглядывая причудливую воронёную вязь стрелок напольных часов, старик Эль Санто перебирал в памяти монотонную, затягивающую, словно трясина, жизнь Монтеррея. Великие посты чередовались с праздниками, крещения и отпевания – с муштрой гарнизона и глупыми шутками вроде той: «Комендант, у вас в гарнизоне⁴¹ двести штыков. Неужели нельзя переловить всех тараканов и блох?» или: «Если вы, падре, поймали мула за задние ноги, а он пытается вырваться, – лучше всего его отпустить».

Вся эта тягучая патока обыденности сжигала жизнь дона. Порой ему представлялось, что даже свой каждодневный путь от казармы до алтаря он совершает извечно. Он вспомнил недостроенный дом для солдатских вдов, с которым никто не знал, что делать, вспомнил унылое кладбище,

⁴¹ Гарнизон – военная часть (войско), находящаяся в городе или крепости для защиты в военное время и для охраны общественного порядка в мирное время. (Прим. автора).

что находилось на задворках iglesia⁴², там были симметрично рассажены араукарии и плакучие ивы; пестрый ковер трав и аккуратно стриженный бордюр из красного кизила, увы, безуспешно пытались скрасить угрюмое молчание каменных крестов. «Еще немного – и меня снесут туда, – подумал он с грустью. – Я даже знаю, куда и в чем...»

– Ваше сиятельство, – Ласаро робко нарушил раздумья губернатора. – Имеются новости от полковника де Ликожа? Вы как-то говорили, что он сообщал в письме...

– Нет, он ничего не сообщал. И вам я ничего не говорил, и вообще никто никому ничего не писал. Неужели не ясно, что это секретные сведения? Уяснили?

– Да, команданте, да. Но, черт возьми, я всё равно не понимаю наших действий! Зачем все эти демонстративные приготовления?.. Сгон краснокожих и черных рабов? Пожалуй, это...

– Мы бьем по траве, чтобы выгнать змею, как говорят в наших местах. Теперь русские знают, что мы знаем, что они знают... И хватит пессимизма, дружище, я не люблю ваших «пожалуй». Защита границ Империи! Вы это делаете не для меня. Сделайте это хоть раз для себя, ради своих детей, могилы жены, наконец! То, что вы живете недурно, не должно вас слишком окрылять, Ласаро. Всё течет, всё изменяется. Кстати, вы давно видели своего племянника?

– Луиджи?

– Именно,– Эль Санто снисходительно улыбнулся и затушил сигару.– Ему ведь уже восемнадцать. Уверен, он давно посещает цирюльню. Где вы его прячете, разве он не рвется записаться в эскадрон моего старшего сына?

– Но я не знаю, где он, Хуан. Верь мне! С тех пор, как его тетка... – влажная белая сорочка хозяина присосалась к спинке стула.

– Похвально, браво, майор, у вас даже не дрожит голос. Господи, милостью своей отпусти грехи этому вруну!..

– Но позвольте, ваше превосходительство... – хозяин поник плечами.– Если вы полагаете, что я знаю, где он сейчас, то ваша память подводит вас меньше, чем меня.

– Передайте: завтра я буду ожидать его у себя. Сего-дня каждый человек, способный держаться в седле, на счету. И пусть знает, зачем я призвал его. Конечно, не для дуэта на арфе.– Дон Хуан вновь растянул губы в улыбке, глядя, как потемнел от пота крахмальный воротничок его собеседника.– Впрочем, довольно о грустном. Я у вас задержался изрядно, но, увы, так и не имел счастья лицезреть ваших прекрасных офелий.

– Ах, вы о Лоли и Валенсии? – еле заметно улыбаясь, Ласаро неопределенно качнул плечами. Его ячменные светло-карие глаза казались слишком маленькими на раскрасневшемся лице.– Ах, мои белки?.. Они, должно быть, на своей половине. Бедняжки... – хозяин утер платком взопревшее от разговора и вина лицо.– В любви к ним я черпаю желание

жить, Хуан. Если бы не это смутное время, я бы непременно их вывез в свет!

– О да, мой друг, ты на правильном пути,– Эль Санто умело разрезал ножом алое яблоко.– Их все будут обожать, особенно мои сыновья. Я думаю, старина, нам время подумать о внуках. Война, невзгоды, голод – это не препятствия для счастья в старости. Твоим дочерям пора подумать о спутниках жизни... Что с тобою опять? Ты оглох, или у тебя отнялся язык?

– Нет...

– Так прошу, поддержи меня хоть в этом вопросе. Или и здесь мы разнимся во взглядах?

– Как можно?... – хозяин ощутил укол стыда за то, что был невежлив со своим старым другом, и ему пришло в голову: «Хуан, возможно, в большей степени искренен со мною, чем я полагал». Ласаро еще раз виновато кивнул и посмотрел на Эль Санто. Губернатор молчал, его уставшие глаза, казалось, сосредоточились на чем-то очень далеком.

– Ах, мои малышки,– де Маркос не нашел ничего лучшего, как еще раз всплеснуть руками.– У меня слезы на глазах, мой друг, когда я думаю, что наступит день и мне придется остаться совсем одному...

– Ритм твоей речи весьма неуверен, почему? – Хуан надкусил яблоко.– И вообще сегодня вы постоянно удивляете меня, любезный сеньор Ласаро. Вы не хотите своим дочерям счастья? Держать на своих руках внуков?

– Si, но... Впрочем, они поступят так, как того желает их отец. Вы же понимаете, ваше сиятельство...

– Ах, оставь так обращаться ко мне!

– Прости, Хуан, прости... – кубки примирительно поднялись и союдно цокнули серебряными боками. – А что до Валенсии и Лоли, так ты же понимаешь, amigo, их воспитание не позволяет сказать отцу деликатных вещей...

– Вот и напрасно! – навалившись на край стола, де Аргуэлло взял из вазочки горсть засахаренных орехов. — Ты что же, хочешь из них сделать старых дев?

– О нет, как ты мог подумать? Я опекун моих девочек, и желаю им лишь счастья. Но они еще так юны, невинны, глупы и чисты...

– Как я хотел бы, – с улыбкой прервал его дон Хуан, — чтобы они находились под защитой моих сыновей! Ибо репутация юных прелестниц столь же хрупка, сколь и прекрасна.

– Что ты этим хочешь сказать? – Ласаро привстал со стула, словно угодил босяком на раскаленный противень. — Репутация моих дочерей в опасности?

– Конечно нет. Просто когда вашим милым камиллам⁴³ дома будет невмоготу, дайте знать мне. Сальварес, Луис – право, они будут весьма польщены, если ваши дочери задержат в их ладонях свои нежные пальчики!

– Прошу прощения, ваше сиятельство, но я не нуждаюсь в

⁴³ Камилла – у римлян и др. название девочек и мальчиков, исполнявших прислужнические должности при жрецах. (Прим. автора).

подобных советах, и готов утверждать, что лучше знаю, что к чему и когда...

– Не слышу, я глуховат, э? – гость приложил руку к уху, продолжая жевать орехи.

Лицо де Маркоса вспыхнуло. Желудок его оттянул свинец тревоги. Он хорошо знал непростой, кремнистый, подчас жестокий характер дона Хуана.

– Не думаю, excellence⁴⁴, что ваш тон мне нравится. О своих дочерях я позабочусь сам. А вы заботьтесь о своих сыновьях. Думаю, так будет правильно.

– Вы думаете, сеньор де Маркос? Так вы, оказывается, еще и мыслитель? Ну, ну...

– Я еще раз повторяю, ваше сиятельство, что не понимаю вашего тона, – Ласаро внутренне напрягся, готовясь встретить надвигающуюся бурю. Задавая этот вопрос губернатору, он понимал, что подносит факел к пороху, однако кровь идальго и честь фамилии брали своё.

– Ах, вот как?! – Эль Санто сердито сжал губы. – А я не понимаю, майор, что вы имеете против моих мальчиков? Что, слухи эль куэбра де каскабель⁴⁵ не дают вам покоя? Да, они не монахи... и слава Иисусу, что мундиры драгун Короны

⁴⁴ Excellence – превосходительство, сиятельство (фр.); excellensio — обращение к епископу римско-католической церкви. (Прим. автора).

⁴⁵ Эль куэбра де каскабель – гремучие змеи, или гремучник (Crotatus) – ядовитая змея из семейства ямкоголовых, 4,5—6 фут. длины; имеет на хвосте подвижные роговые кольца, которые при движении в сухую погоду издают характерный треск. Водится в Северной Америке. (Прим. автора).

они никогда не променяют на смиренное, сирое рубище монастыря!

– Вы что же, excellence, хотите сказать, у ваших сыновей нет любовниц?

– Конечно нет. Это врут завистницы, которым скучно по ночам.

– Мне замолчать? – взгляд майора бросал вызов.

– Не стоит.

– Тогда я буду настаивать на том, что дыма без огня нет. Клянусь честью, все знают, какой «шлейф славы» тянется за вашими сыновьями. У них довольно любовниц, от которых им тяжело избавиться.

– У вас такие познания в сем вопросе! Вы держали свечу? – сухое лицо губернатора налилось жаром, от чего белое серебро эспаньолки вспыхнуло ярче. – О, освежите мне память... И кто же эти камелии? Быть может, они столь очаровательны, что вам даже трудно их ревновать?

– Я не Господь Бог.

– Вы меня разочаровываете, amigo.

– А вы зря теряете время, как и ваши сыновья. Мои девочки... никогда не будут такими, как вы хотели бы.

– Да как вы смеете?!

– Смею! Я всегда был рад видеть и обнять тебя, Хуан, считал другом, а ты!.. Вы злоупотребили моим терпением и гостеприимством, сеньор, как и невинностью моих дочерей. Но зачем? Зачем, черт возьми?

– Майор...

– Не заставляйте меня указывать вам на дверь!

– А если я вам скажу, Ласаро, что заветное желание Валенсии и Лоли быть с ними, что тогда? Или капризы «заневестившихся ангелов» не в счет? Вы зря думаете, мой друг, что они столь беспомощны. Уверен, в этом возрасте у каждой сеньориты есть свое очаровательное место для откровений и тайн. Разве не так, сеньор де Маркос?

– Перестаньте настаивать! Вы мне не даете ни минуты передышки.

– Я просто хочу счастья для наших детей! Ты хоть раз спросил своих дочерей: хотят ли они замуж? Нет? То-то... А я уверен: и та, и другая сказали бы «да». Потому что какая девушка не мечтает стать блистательной камергера!⁴⁶ Ты же им предлагаешь зубрить «Requiem aeternam...»⁴⁷, точно жизнь их прошла и время думать о вечном... Нет-нет, теперь помолчи ты, Ласаро, дай мне сказать, ведь я все-таки бывший твой друг. Ты такой же старый вдовец, как и я. Да, мы такие, что спорить с Фатумом, но именно посему нам и не стоит ссориться... Подумай над моим предложением и не забивай голову ерундой, которую ты слышишь на рынках о моих детях.

– Если хочешь,— де Маркос сыграл желваками,—убей меня сразу, воля твоя, но только не нажимай на меня... в мо-

⁴⁶ Camerera – придворная дама в Испании. (Прим. автора).

⁴⁷ «Requiem aeternam...» – «вечный покой», «вечная память» (лат.).

ем... родном доме.

– А вам наглости не занимать,– губернатор раздраженно отставил недопитый кубок и резко поднялся.

– Дерзости и чести, ваше превосходительство.

– Вы столь категоричны? Это последнее ваше слово?

– Да.

– Жаль. Тогда можно совет?

– Совет?

– На прощанье.

– Что ж, извольте, ваше сиятельство.

– Вашим дочерям лучше уехать подальше из Калифорнии...

– Это почему же?

– Потому что они влюблены в моих сыновей, а они, как вы изволили заметить, времени зря не теряют.

– О чем вы говорите?

– О любви, о чем же еще?

Лицо майора затвердело. Он боролся с собой, чтобы не сорваться, но отбросил все циркуляры.

– Ваши лошади на конюшне, сеньор де Аргуэлло. Полагаю, они отдохнули.

– Это объявление войны? Перчатка моей семье?

– Если угодно! – Ласаро осекся, пугаясь сказанных слов.

– Ну что ж,– Эль Санто со злой горечью усмехнулся.– Значит мне придется воевать не только с русскими.

– Я требую сатисфакции⁴⁸, ваше превосходительство! —
де Маркос решительно шагнул вперед.

– Нет, майор. Не вижу оснований, а более того: не в моих правилах извиняться. Прощайте. Тайна исповеди окончена.

– Что? – бледное лицо хозяина мелко дрожало.

– Не делайте глупостей, Ласаро. Впереди война. А она, как известно, примиряет всех.

– Нет, подожди, – Ласаро трясло от бешенства. – Ты полагаешь, Хуан, я столь наивен и глуп в своей любви к дочерям?.. Но я не такой дурак, я понимаю, что нужно твоим сыновьям!

– В таком случае я не столь умен, майор, чтобы говорить с вами далее и делать вид, что согласен. Такие вопросы не задают, ответ на них один – дуэль. Но мы не в том возрасте, чтобы стреляться или накалывать друг друга на шпаги... Знаешь, я служу Королю уже более тридцати пяти лет, как и ты... И во всех походах и битвах находятся два-три таких вот героя, которые щерят за ширмой зубы. Молчите, майор. Да, я знаю, что вы никогда не показывали неприятелю спины... Но сегодня – Бог свидетель – вы один из тех, кто бросает тень на чистые имена. Молчите, майор, и соблюдайте субординацию⁴⁹. И дело здесь даже не в наших детях... Жаль, конеч-

⁴⁸ Сатисфакция (лат. *satisfactio*) – устар. в феодально-дворянском быту – удовлетворение, даваемое оскорбленному в форме поединка, дуэли или прилюдного извинения. (Прим. автора).

⁴⁹ Субординация (суб... + лат. *ordinatio* – приведение в порядок) — служебное подчинение младшего старшему, исполнение правил служебной дисциплины.

но, что вы в штыки восприняли мое предложение, оскорбили доверие старого друга и его честь... Прискорбно другое: в черный час испытаний для Новой Испании вы, сеньор Ласаро де Маркос, позволили усомниться в истине моего выбора. Кровь, пот и слезы, грязь и смерть,— вот твой аргумент в нашем споре. Выходит, ты ничего не понял, прожив жизнь. Всё, что есть прекрасного в этом мире, родилось в навозе и вышло из праха. Из праха бездарности и посредственности, страданий и мук возрастают прекрасные цветы новых идей, сила и мужество новых героев. В чем, по-вашему, дон Ласаро, величие корсиканца, потрясшего мир? Да-да, его нет смысла представлять — слава летит впереди. В его чудовищности? О да, он всегда питался лаврами и запивал их кровью побед! А разве правительство Мадрида не может справиться с чернью и возмутителями спокойствия наших границ? Увы, сегодня чернь справляется с сильными мира сего...

Вот потому я не могу спокойно умереть, майор. Боль за Испанию, страх и горечь за каждую пядь нашей земли сжимает мне сердце. Но я клянусь вам, Ласаро, как солдат солдату: враг будет повержен, и когда мой сапог опустится на его грудь, я скажу: «Эй, кто ты? Шевелись, червь, или тебе тяжек вес всей Калифорнии?» И если русский варвар не вздрогнет при взмахе моего меча, он будет первым, кто легко встретит свою смерть. Ну, что вы уставились на меня, майор, как на прокаженного? Что? Пугает мой пафос?.. Да, друг

мой, мне дурно, душно... Тяжело от всех этих дьявольских хитросплетений и мыслей, но это еще ничего не значит. Да подождите вы, майор! – Эль Санто устало провел ладонью по своему лицу. – Если бы волосы знали, что думает моя голова, я бы обрил их и носил парик. Так что не спрашивайте меня, amigo.

Губернатор тяжело подошел к окну.

– Проклятье, еще этот дождь! Бог с ним, Ласаро. Мои солдаты сражались с грязью на сапогах и раньше. Помнишь Ситакуаро?.. Тогда тоже был ливень... В конце концов, это еще вопрос, что, черт возьми, лучше: раскаленное солнце или слепая стена дождя?.. Эй, что это? —губернатор различил далекий звон колокола и усмехнулся: – Надо же, священник не отказался от вечерней мессы... Впрочем, всё правильно... стоит торопиться, скоро у него будет мало прихожан. А теперь прощайте, майор, я хочу остаться один. Надеюсь, и в последнем бою мы будем вместе.

Глава 4

– Гляди-ка, однако, совсем лето,– старый алеут Степан прищурил и без того по-татарски узкие глаза, глядя на яркое небо. В раскрытые ворота конюшни врывалось бархатное тепло июньского ветерка, пахнущего солью океана и смолой хвойных лесов.– Однако, славный нога мой сделал тебе. Крепкий, как клык моржа и легкий, что наш каяк...⁵⁰ Сердотый ты, Михаил... Отчего рот закрыт? Мой крещеный, как ты... Имя касякское⁵¹ взял,– алеут торопливо достал из-под камлейки⁵² медный православный крестик и прижал к темным губам.

Десятник Кагиров не ответил, лишь повел черной, собольей бровью. Задумчиво потягивая трубку, он отчужденно сидел на соломе, вытянув перед собой искаленную ногу; ниже колена к культе был пристегнут справленный Степаном из розового дуба протез, который старательный алеут на свой фасон украсил примитивной резьбой и шляпками медных гвоздей.

⁵⁰ Каяк – легкая алеутская лодка для охоты на морского зверя; изготавливалась из моржовых и тюленьих шкур.

⁵¹ Касяк – искаженное «казак». Так коренные жители Аляски называли русских, видимо, потому, что первыми пришли на Аляску сибирские казаки. (Прим. автора).

⁵² Камлейка – летняя глухая рубашка из замши, тюленьих кишок или рыбьей кожи. (Прим. автора).

– Ты слышал, Степан,– Михаил продул истлевшую трубку,– нонче станем усиливать наш гарнизон. Их превосходительство сам взялся за дело... А это, брат ты мой, не шутка. Видать, к войне дело идет. Говорят, по первости усилятся на побережье, значит, и у нас, а опосля и во внутренние края полезуть.

Степан, сидевший к десятнику спиной, что-то хмыкнул, не обернувшись, и бегло залопотал на своем языке, мстительно щуря глаза.

– Гишпана прочить – большой дело сделать, но шибче ттыне⁵³ и поморцев⁵⁴ выбить след... много зла алеутам сделал. Мать мой, отец, двух братьев... всех вырезал. Шибко худой... Прежде они и Ситку спалили... А сколь одиночек⁵⁵, редутов огнем поели, сколь путиков, пастников⁵⁶ и лабазов забрали?.. Черный народ, Бога-Исусу не почитат, токмо сво-

⁵³ Ттыне (ттынбйцы) – русское название многочисленного аляскинского племени индейцев-атанасков, «великого семейства народа ттынай», как писал о них Л. Загоскин. Самоназвание – ттыне.

⁵⁴ Поморцы (или приморцы) – индейские и самоедские племена Аляски, жившие на морских берегах рядом с русскими и имевшие с русскими тесные и частые связи, главным образом обменно-торговые. Дальновские – кочевые индейцы внутренних, труднодоступных районов материка. (Прим. автора).

⁵⁵ Одиночка – скупочный и обменный пункт для торговли с туземцами, зачастую одинокая курная изба. Одиночки подчинялись редуту, более крупному русскому населенному пункту на Аляске. То же, что и форт в Канаде и в США. Вначале редуты имели оборонное значение.

⁵⁶ Путик – линия силков и западней на птицу и мелкого зверя; пастник – выставленный охотником длинный ряд ловушек-пастей на красного (пушного) зверя. (Прим. автора).

им идолам поклон бьют да кровью с жиром губы мажут...

– Про Ситку ты верно подметил, Степан, – Михаил лениво расправил широкие плечи и наморщил лоб. – Спалили, стервецы... Вот уж правда: степь широка, а дорога узкая. Уж сколь землищи тутось свободной – за жисть не пройти, а, один черт, тесно живем. Ну-ка, дай-кось прош-ки⁵⁷, раз уж такая беседа зашла. – Десятник зачерпнул чубуком махорки из расшитого бисером кисета алеута и чирк-нул огнивом. – Война – дело нехитрое, то же само, как ребенка зачать. Знашь ведь, как гутарят: «Три вершка наслажденья с бабой, а затем тридцать верст страданий». Робенок сродится – это уж до конца. Так и война... А у нас и народишку – пшик, да и денежных суммов с кукиш.

– Как это? – алеут недоверчиво скосил желтые глаза на Кагирова. – Уж-то у самого Кускова нет? Однако, нехорошо говоришь! Кусков – большой тойон на этой земле.

– Да помолчи ты, рыбоед-сродник, рожа немытая! Тебе сие неведомо от рожденья. Испанец хитер, жди беды! У него и киса, что баба на сносях. Заплатит – охотничков до нашей кровушки изрядно найдется. Еще и пират с моря, гляди, подойдет. Эти нехристи уж не раз свои зубья скалили... И у барановских берегов, и тутось... Один Гелль их чаво стуйт... Зверь из зверей, токмо учует, где звоном монет сквозит, – тут как тут со своим разбойным племенем. А мы, по глупости да

по дурости, ешо торг с ним, псом поганим, хотели открыть. Тьфу! Срамота! Его не с русским купцом, а с дыбой знакомить да женить след. Он-то, небось, многих наших в трюмах запытал, стервец, а опосля битой человечинной акул охаживал. То-то... – Десятник громыхнул еще не успевшим залосниться свежеструганным протезом и после минутного молчания сказал с заметной обидой: – Эх, кабы народу в России волюшка дадена была... мы б всю енту Америку наскрозь прошли, вперед янков и англичанов. Так ить нет... При ярме мужик наш сидит... Сюда токмо крохи нашего семени долетают. Вот и жди нонче, когда из Ново-Архангельска сила мундирная подойдет... Да и сколь ее будет? А с вами, богопротивными язычниками, какой прок якшаться? – Кагиров глянул темно-карими вишнями глаз на старого алеута. – Либо продадите с потрохами, иуды, либо сами саданете нож в спину. Знаю я вас, сродников, союзных России, смех, да и только. А вот зачем мы тутось, Степан? Ну-к, напряги мозги. Ладно, не мни уши, слухай: всебесконечно расширить пределы Отечества велено нам. Вот какб доля на наши плечи выпала! Это еще государыря-матушка Екатерина сказывала... Да токмо то слова... а на деле босотая армия в сих местах: всё сами ведь шьем и делам... Эй, Степаныч, куда ты? – Михаил с насмешкой глянул на низкорослого, косолапого алеута. – Ты что ж, сукин сын, в обиду взял? Ты это брось, сродник, не в твой огород камень.

– Худые слова говоришь, десятник, отчего злой такой?

Мой тебя не обижал... Ногу сладил тебе, гвоздей не пожалел, а ты...

– Да ладно, не перься, как крест церковный, видал я таких... За другое душа томится. А за чурку, что сладил, поклон тебе, ладная вышла она из-под твоих рук, спасибо. Ну-к, дай пять, встану, до ветру пройдуся. Наших чой-то с Дьяковым долгонько нет от испанца. Кабы беды не случилось.– Десятник, ухватившись за протянутую руку, споро поднялся и, опираясь на костыль, заковылял из-под навеса конюшни. Одинокая шпора на его сапоге брэнчала и лязгала на пустынном дворе, распугивая бродивших индюшек и кур, покуда не стихла за артиллерийским складом.

Глава 5

Мстислав провел рукой по подбородку и почувствовал, что он крепко покрыт колючей щетиной. «Вот незадача... Пред командирские очи являться... а я зарос, как огород чертополохом».

Уставший отряд, поднимая облако бурой пыли, повернул на северо-запад, туда, куда уходила пробитая копытами и колесами повозок дорога... За дальними лысыми холмами скрывалась родная сторона, форт Росс, и те, кто в беспокойстве и маяте ожидали их приезда.

Сотник безрадостно поглядел с пригорка на вечерний лик открывшегося океана. Его темная вода отражала нависшее громадьё сажевых туч, как темное зеркало.

– Ну что вы, батюшка, темней воронб крыла? Все же к дому подъезжаем. До ночи поспеем. Хозяйки-милахи чой-нибудь пожрать на стол соберуть. Выпьем с дороги, баню затопим... Чай, не на смерть едем, к своим.

– Не такой час, братец, чтоб душу в водке топить да галдеть, не такой... Война – не маковый рулет, десятник... Кровь да грязь, невинные души побиты будут... в количествах – страшно подумать... Живодерня, сам знаешь... А самое главное – бессмысленная бойня-то будет... Ах, душа ты, душа моя, – Дьяков сглотнул полынный ком, что морским ежом стоял в горле. – Верись, брат, жить мне не в радость.

Уж лучше сгинуть быстрей... И это тогда, когда земля семян ждет... Да что ж это, Константиныч? Отчего жизнь устроена криво так? Из века в век бойня... Всё о морали толкуем, а где она? Где?! Что двести, триста лет кровь лили, так и ныне за штык беремся... Доколе зверь жить в людях будет? Доколе во кровях гибнуть?

– Ай, опять вы свое, ваше благородие, – десятник хмуро сгорстил рожь усов. – Тошно... вестимо тошно, однако ж сколь душу рвать? Уж что на судьбе написано... стало быть... Вот ты не поверишь, Ляксеич...

– Ты прав, голубчик, я не поверю.

– Да ты погодь, погодь, вашбродие! Ай, опять рукой машете... Ну будя, будя вам. Вы вот сами-то знаете, где вы у меня со своей хмурью сидите?

– Нет, братец. Но знаю, где у меня ты. И не рассчитывай, что я нынче не чаю в тебе души. Лучше отстань. Скверь у меня одна на языке, да и на сердце тож. Что я скажу его превосходительству? Что не смог, не сумел обуздать испанца? Что бес попутал меня, али черт встрял?

– Да полноте, ваше благородие. Мать ее, суку!.. Как есть, так и рубаните. Мы-то, как будто, не в малине сласти искали. При вас были, подтвердим клятвенно, так мол и так – не хочут испанцы лада с нами. Сосуть кровь нашу, твари! А уж на то воля Господня... Хлипкая сия посудина – политика, не для насекомого ума, хотя и у нас в душе свои мажоры с минорами имеются. Ну-с, что вы примолчались, батюшка

Мстислав Ляксеич, колосок вы наш золотистый?.. Не бойсь! Дале как проживать будем – время подскажет. Прикончим давай мы енту разговору. А еж-ли чо, я уж не раз тебе заговорил: пики к бою, сабли вон, и айда. Ужли мы не казаки? Тогда на кой хрен мы тут кобылам хвосты чешем да сталь точим? Наши еще дадут им чистоты. Морду-то им собьем в сливки за Россию-Мать.

– Ладно, будет брехать, Борис Константинович.

Сотник придержал коня, приказав подтянуться – подъ-езжали.

Закат окутал алым воду, горы, леса. Чисто и далеко слышался визг двуручной пилы, распускающей лиственничный брус.

– Прихватить крючки, ремни подтянуть, братцы! —сотник стегнул меж ушей плетью вставшего на дыбы жеребца.— Вот-вот сторожевик в колокол ахнет. Ну, голуби, с Богом.

* * *

– Батюшка наш, Иван Александрович, велели-с вашей милости без промедления к нему в комендантский дом ступать.— Федор Колотыгин, мелко жмурясь глазами, обнял спрыгнувшего с коня сотника.— А ну, отойди, бабы, дайте пройти их благородию-с! Да скотину отгони, Дарья! Куды ты с коровьим навозом?

– Ну, спаси нас, Христосе, угодил! Вернулись наши защитники! – жены и матери приехавших казаков не прятали слез, бросались обнимать своих, растаскивая их по домам;

дети сноровисто отгоняли прутками коней и принимались таскать воду для бань; едко и тепло пахнэло дымком, смородиновым листом и мятой.

* * *

– Ну-с, голубчик, и как у нас насчет любезностей с Монтереем? Оживи душу... Дай надёжу... Сердце уж какой день к ряду растравлено!

Иван Александрович не удержался, как мальчишка сорвался со стула, заключил в объятия сотника.

– Катенька, душа моя! Ну что же ты, право, не привечашь Мстислава Ляксеича? Садись, брат, в красный угол, вечерять будем, разговор держать. Катерина, свечей купнее запали. Да ты в самовар-то не смотришь, брат: не зеркало, много не узришь. Хорош, как хорош, квасу иль чего изволишь с дороги домой?

– Здравия желаю, ваше превосходительство.— Мсти-слав щелкнул каблуками, мертвенно бряцнув шпорами.

Всю дорогу от терзался предстоящим свиданием. Он зело любил своего отца-командира, безмерно уважал и его тихую, ласковую жену, но теперь... Самая война и возможная гибель русской фортеции во всей ее чудовищной нелепости, право, виделась ему проще и казалась не столь страшною, как сии мгновения, выпадающие как бы из времени, как бы из самой прежде понятной и логичной жизни. «Боже правый, как же прикажешь нынче смотреть в глаза, как прикажешь говорить, как отвечать, как думать?» Самое простое

сотнику казалось: по форме рапортовать о случившемся в Монтерее и поскорее, без лишних слов и объяснений, покинуть комендантский дом, но именно это самое простое и стало нынче непостижимо сложным, ужасным в своей нечеловеческой жестокости.

Смущало и другое: Дьяков не помнил Ивана Александровича таким словоохотливым, с тревожно сухим, лихорадочным блеском в глазах. И хотя сильная воля и жизнь, сидевшие в нем, расцветивали его бледные сухие щеки румянцем, румянец этот казался нынче болезненным, точно крапивный ожог, точно жаркая сыпь лихорадки, что схватила и цепко держала в своих объятиях здоровую, крепкую плоть.

– Ложка лучше чем пистолет, Мстислав Алексеевич, не дает осечки... Прошу вас к столу, – Катерина, качнув полным бедром, поставила на стол дымящуюся латку с рубленой индюшкой и томленной в масле фасолью. – Сколько ни предлагала отведать красавцу своему – полный отказ: ждал вас, голубчик... вы уж не откажитесь, ради Христа.

Хозяйка улыбнулась Дьякову мягкой индейской улыбкой, в которой читалась скорбь, и тихо, едва слышно, шепнула:

– Ой, съест он тебя, ежели дурну весть привез. Будь осторожен. Весь день киснул да каменел лицом.

– Катерина! – ложки с тарелками сердито звякнули, дрогнув на столе. Кусков недовольно кольнул взглядом жену. – Что-то ты нынче стала на вздох глубока да на слезу скоро. Смотри, не лезь в мужье дело. И не жалься, всех слез не вы-

черпашь. Да цыть ты! А не то живо провожу отсель. Ох уж, эти бабы, брат,— комендант покачал седеющей на висках головой.— И жить с ими нельзя, и застрелить жалко. Благо, что хоть правда и сила за нами, а не за юбкой... Ну да ладно, не томи боле, что велел передать губернатор?

— Что будет драться до последнего испанца.

В наступившей паузе слышно было, как в опочивальне по-бабьи глубоко и жалобно охнула Катерина, задушив свою скорбь в подушке. Однако лицо коменданта не дрогнуло, лишь крепче взялось испариной. Оставив ложку в тарелке, он долго глядел на неровное пламя свечи, после чего сухо изрек:

— Что ты?

— Сказал, что ежели его высокопревосходительство жаждет сего, то русские крепко противиться не станут... И если до последнего, то значит до последнего испанца.

— Ну что же, так... так-так... Укрой и оборони нас, Царица Небесная! Нам надоела вся эта война, только с французом сладили... Сыты по горло... А испанец, похоже, наоборот — голоден.

Кусков, оставаясь неподвижным, заложил правую руку за борт кафтана, совсем позабыв про тушеную индюшку. Помолчали. Командир странно улыбнулся, слушая нежный свист русского сверчка, бережно привезенного в берестяной коробке из-за океана. Душа тосковала по баюкающей колыбельной... Америка такого «певуна» не знала... Цикады тре-

щали совсем не так, на чужом языке, и резали слух, как кавказская иль цыганская речь на русском базаре.

– Мал жаворонок, да петь умеет; ворон большой, да только каркает. А этот мил, шельмец, – комендант тепло улыбнулся морщинками глаз. – Здесь и соловьев, брат ты мой, нет... А как бы их щас сердце послушало...

Сотник согласно кивнул головой, зачерпнув ложкой фасоль.

– Все беды на земле из-за зависти, друже. Именно здесь и завязался на русско-испанской нитке узел. Видишь ли, – Иван Александрович процедил сквозь зубы спертый воздух избы. – Испанцы слабы, потому и жестоки. Наша земляца в этих местах для них как красная барышня на выданье... Вот они, мать их... и делают в нашу сторону кобелиную стойку. Продержаться нам след до подмоги, есаул⁵⁸. Ежели мы только им сейчас хоть щиколотку оголим из-под юбки, опустим ресницы – затопчут как девку, разорвут. В наступлении испанец смелее льва...

– Зато в отступлении хуже зайца, – Мстислав зачерпнул из ароматно дымящейся латки добавки. – Наши тоже суровы в своей удали. А я после его угощения, Иван Александрович, затаил обиду крепкую. Говорил ихний губернатор со мной, как с сопливым мальцом... Правда, пригласил к себе после часу терпенья нашего у крепостных ворот...

– Но всё ж пригласил?

– Так, для регламенту иль почету... А может, и просто место было, чтобы унижить, значит.

– Тьфу на них, Мстислав! Сгори оно всё! Я-то уж знаю тебя, гордость моя... Верю: на рожон не лез, терпел, покуда мог, спесь их... Главное, что вернулся... Эх, тары-бары, к нам приехали гусары... Вот уж припало от тебя услышать... – Кусков, тяжело вздохнув и перекрестившись, взялся за остывшую фасоль. – Ну, а как там у них вообще обстановка? Кони справные? Успели поджиться на братоубийстве? Своих же резали бунтарей...

– Остроги по швам трещат – то верно, Иван Александрович, народу тьма нахватала... Но то нам, я понимаю, только на руку! Переруби у бочки обруч – она сама и рассыпется, так?

– Всё так... Но, один черт, острастка берет. Старое правило время помнить: «Ежли не можешь выиграть – не ввязывайся в драку». Это, кстати, Мстислав Алексеевич, тоже выигрыш... более слабого. Будем стоять до конца. Знаешь ведь как: и на печи лежа помрешь, и на войне Бог милует.

– Русские должны либо побеждать, либо умереть, так уж повелось у нас на седой Руси. Ну, а то, что нас мало, ваше превосходительство, не тужите. Зато в бою тесно не будет. – Дьяков обстоятельно вытер платком блестящие от масла губы и, придвинув оловянную кружку с надписью «Берегись, душа, утоплю», подул на коньячного цвета кипяток. – Конечно, тошно всё... Там, где развевается русский флаг, крови,

по идее, быть не должно. Но такой уж у нас крест... Горек и труден солдатский хлеб. Руки в крови, мундир в грязи, зато душа чистая.

– Вот только совесть,– Кусков поник головой, ероша пальцами волосы.– Разве мыслил я когда, голубчик, что мне придется именем России, Отчества нашего, проливать кровь, жечь дома, сеять гибель? Ведь понимаешь, друг мой,– Иван Александрович подался грудью к Дьякову, глаза его горели волнением и болью.– Совесть ведь еще долж-на быть... По-едом меня ест! Тяжко.

– А вам не кажется,– сотник решительно отставил недопитую кружку, серьезно глядя на командира,– что совесть губернатора иль ставленника крепости, как вы... и совесть, скажем, простого зверовщика – сие рещи разные?

Кусков усмехнулся в кулак, всматриваясь в светлые, преданные глаза есаула, и молвил с укором:

– Да разве у человека может быть две совести, два сердца, две души? Нет, есаул, может, у кого и есть, да токмо не у русака.

Глава 6

И снова в горнице Кускова густилась тишина. В приоткрытое волоковое окно влетали запахи и голоса теплой ночи. У сторожевых башен устало брехали собаки не то со скуки, не то откликались на холодную волчью выть. Часовые время от времени выходили из мрака как беззвучные, серые тени, и вновь исчезали во тьме. Влетавший ветерок колыхал наполовину спущенные плюшевые шторы, заставляя метаться пламя свечей, горевших на стенах и на столе.

Мстислав разомлел от чая, вытянув уставшие ноги. Ему так и не верилось, что он уже побывал в Монтерее, держал глагол с самим губернатором Калифорнии, и вот теперь вновь пребывал за столом в комендантском доме. Говорить боле, казалось, не о чем; душила духота пауз; откровения резали сердце, сердили, приводили в отчаянье.

– Ну, у вас тут опять, я гляжу, баталия? Аж завидно, – вышедшая из опочивальни хозяйка, не чураясь заплаканных глаз, попыталась скрасить тяжелую паузу, вне-сти живую струю в примолкшее собрание. – Семушки-то щелкайте, жаренные с солью. – Катерина привычно принялась убирать со стола грязную посуду, искоса поглядывая на мрачного мужа и сурово молчавшего сотника. – Да что же вы сидите, немтыри, аки испуганные дети? Вбнюшка, Мстислав Алексеевич, в руки себя возьмите! Ведь несусветно же так

за столом сидеть, чай, не на панихиде? Ох, и за что же нам, женам, дано наказание такое Божье? – Длинная, что змея, коса скользнула по плечу есаула, собранная посуда скорбно звякнула в смуглых руках. – И так тут по вечерам скушно да тоскливо, а вы еще молчь ночную переспорить пытаетесь. Может... ерошки⁵⁹ на стол поставить? – робко заикнулась жена коменданта, опустив стопку тарелок в кадушку с нагретой водой. – Ну хорошо, хорошо... Я ведь только как лучше, как краше хотела... – поторопилась вставить она, пугаясь сердито сведенных бровей мужа. И почти плача – от постылой хмури на душе, от того непонимания, кое последние недели жило между ней и дорогим ей человеком, и теперь, в этот тоскливый ночной час, вновь жгло ее грудь, — Катерина с надрывной живостью, часто вставляя индейские слова, затараторила что ни попадя:

– Вот уж наша бабья докука, Вбнюшка... Нынче слышала от Васьки-Кольца, что сено на лугах уродилось славное. Чистый клевер и медовица, говорит... А уж как пахнет, как пахнет, голова крэгом! А потом сказывал, что стучался в лазарет бинтов взять с присыпкой от прели в паху. Степан вынес ему трошки и при сем просорочил в ухо: дескать, Марьины дети, Зотихи, ну, у той, что мужа на Славянке испанцы убили, наглotalись цветковой воды, когда за ягодой бродили, вот и сидят нонче в нужнике хуже телят, выйти не могут... Опять

⁵⁹ Ерошка – водка; видимо, от одного из народных русских названий водки – «ерофеич».

же лекарь в шибком волнении был – как бы чумы не стало. А я ему: «Иди ты! Типун тебе на язык... Холера ты ясная! Ишь, в небе коршун и без тебя рыщет! Наши, говорю, еще от гишпанца не возвратились, а ты? Гляди, сказываю, чтоб свадьба твоя лучше не простыла!» Он же решился, наконец, тихоня, свататься к Сырцевой Дуньке, а этому гнезду что слава, что забава, лишь бы последнюю восьмую дочь куда спихнуть, хотя и пышна она телом... Но вы же знаете, Мсти-слав Ляксеич, шалбвиста она дюже. Порчена девка, лень длинной косы. А коса-то у нее знатна, поди, до пят будет. Давече заходила к нам, тебя, Ванюшка, не было, ты с ейным отцом отъезжал сады осматривать, так ведь что выдумала! Одна, говорит, я за хозяйство оставлена. Матушка на берегу шерсть теребит с бабами... Я ей громко и внятно, с чем, мол, пришла, соседушка? А она: свиней-то, чо ли, кормить надо, Катерина? Иль так могут?.. Ну, я тут чуть с крыльца не упала. Нет, говорю, Дунька, зачем корма переводить, пусть землю жрут на здоровье. Они тебе еще, свет мой, спасибо скажут. Так ведь с тем и ушла... Жаль мне лекаря, Ванюшка, он хоть и похож на сырую вошь, а ведь ученый маяк у нас в крепости. Без него как без топора в лесу, без пороха... Ну, она-то, вестимо, рада, волосы распустила, румяна свеклой навела, смешила народ тут намедни у колодца: уж как он ухаживает за нею свирепо, какие подарки шлет... Как улыбается, ласково да конфузливо... Однако, наша сестра не дура, Мсти-слав Алексеевич...

Катерина на секунду прервала свой запал, ловко протерев широким рушником посуду.

– Что греха таить, тесно живем тут... Все про всех знают. Вот и отбрили ее. Знакомые радости, говорят. Ладно трещишь ты, Дунька, красно. Бог тебе судья, ври далее! Ты вот наши порядки мараешь, а мы вот поглядим, какие сама заведешь, когда платок наденешь да кольцом палец скуешь. Ты бы краше занялась чем... Кто при заботе, тому скучать некогда, а ты всё лясы точишь! А ко правде: он милый, наш лекарь. Улыбается так конфузливо, ласково. Просто прелесть, хотя и с ехидцей, так ведь кто без греха? – Охваченная горячкой болтовни и сдержанным мужским молчанием, измученная душой, хозяйка вдруг залилась румянцем и, подсев к столу, с простодушной индейской нотой задала вопрос: – Странно мне, Ванюшка, отчего на наших иконах Христос не такой красивый, как у испанцев? Видела я как-то статуи их... Там и цвета, и краски более...

– Да ты что, мать? – Иван Александрович аж на миг потерял дар речи. – Ты ли это?.. Ты, Катерина, того! Говори, да не заговаривайся! Господь тебе не собака и не лошадь. Гляди, на синяк нарвешься! Это что же получается? У колодца поутру ты одно говоришь, да думаешь в доме, при свечах, другое...

– Да, – жена осеклась, но тут же сладила с собою, — когда я люблю – сие одно, когда не люблю – другое. Вот за тобой последую хоть куда...

– По любви ли? – Кусков грозой глянул в ее лицо.

– А то как же? – жена встрепенулась птахой, костяные цукли⁶⁰ в ушах испуганно трякнули.

– А может из-за страха? Так да иль нет?

– Да что за разговоры, Ванюша? Обидно даже слышать!

Я ведь без тебя, – слезы заискрились на ее красивых темных глазах. – Я ведь без тебя не смогу, родной ты мой...

– Ну то-то, смотри, Екатерина Прохоровна! И помни: имя у Господа и веры – великое.

За столом вновь наступила тишина, так что было слышно, как в подполе в бутовой кладке скребется мышь.

– Мне так за тобой спокойно, Иван Александрович. Так славно, – индианка виновато блеснула глазами, голос ее по обыкновению был лучист, прозрачен и тих.

– Э, нет, нежности оставим на потом. Мне ни слезы твои теперь, ни кошкины подходы не по нраву. Ты меня на свою борозду не своротишь. Я тебе не какой-то телок, чтоб меня за собой водить. И так под конфуз подвела пред есаулом. Ишь, Мстислав Алексеевич, Катерина-то как багряна стала, чисто пулымя. Стыдно, поди, аль? Эт хорошо, эт полезно для бабы... А то гляди, как заголосила! Сраму развела на всю избу. Что люди скажут? Ладно, живи, добродей. Понадобишься – призову. А сейчас ступай. Ступай с Богом, да подушку более не мочи слезьми, и так сыро. Ну, а мы, друже, еще по

трубке... Дело порядком решать след.

Глава 7

За сараями, где размещались байдары алеутов, близ пачки сосновых бревен неспешно текла задушевная беседа. После долгой дороги в седле, после бани и чарки водки, после пирога с зайчатинной дым табака был в особицу вкусен.

– Вот ить как человек застроен, Иваныч,– Худяков легонько боднул локтем глядевшего в небо Щербакова.— Сколь ни ешь, ни пей, а опосля еды плоть завсегда отчаянно табачку требуют. Эй, эй, ты чаво рот на замке дёржишь? – Худяков, поправляя ворот белой рубахи, шибче толкнул локтем своего приятеля.

– А ты не «эйкай»... «Эй» – так гонют лошадей, понял? Невежественный ты, Сергуша. Вот невидаль – табак... Сам-то понял, чавось сморозил? Ты лучше глянь, звезды-то над нами каки... голубые, светлые...

– Да, большие,– сладко затягиваясь трубкой, откликнулся Худяков и крепко почесал голую лодыжку.— Однако не шибче комарья в гишпанских болотах. Помнишь, проезжали их тростники да осоки... Не приведи Господь, сколь их наследало, подлюк, да все здоровушие, с кулак, мать их, суку; лошади – и те чуть не сдохли.

– Да, тебя, полудуру нашу, оберегать нады. Уж больно нежен, гляди не разбейся. Ладныть губы-то опять дуть, пустое. С тобой шутют, а ты? Лучше скажи, коня своего отдал

Егору перековать?

– Да когда? – Худяков махнул рукой, откидываясь спиной на теплые, нагретые солнцем бревна.

– Плохо... Завстрече и отдай, как бы не угробить скотину. Ты ж его в поводу к воротам-то уже подводил. У него там под бабкой ядрище гною, чуть не с курино яйцо...

– Да знаю я, чай, не слепой.

– Вот и сделай, – серьезно, с какой-то особенной мужицкой основательностью повторил хорунжий и вновь зачарованно уставился на низкую, алмазную россыпь звезд.

– Однако ночь-то какая и впрямь чудная, ровно влажный черный бархат с искрой. Эх, где моя Иришка, любка-голубка? – с мечтательной грустью протянул Худяков. — Знаешь, каки у нее волосы с тяжелой волной, Иваныч, цвету гречишного меда... Обнимет – сердце заходится. Вот тебе и любовь... Эх, где мои вороны? Отзовись, заноза, дай весточку...

– А приданым-то она была купна?

– Да мне довольно и ее красы даже с обманом заместо обещанного. Хотя всё и было. Сложность в другом, брат... Когда сватался. Уж больно грозен тятка ейный был, лютоед, царство ему небесное... Володимиром звали. Мне ж допрежде явиться пред его очи следовало...

– Так не без того, – Щербаков шеркнул наметившуюся плешь ладонью. – Ну, и?..

– Да я-то чо? Невеста была супротив. Сказывала, дескать,

сие может убить родителя... А я тебе доложу: он сам прежде мог каво угодно прибить, что муху... Однако Бог миловал, обошлось без цыганской свадьбы. Всё чинно, всё пучком. Эх, щас бы живой воды напиться да мертвой опо-хмелиться! Как там в песне: всё трын-трава – на плаху голова!

– Да будет тебе о своей царице маяться, сыт... Вот придет срок, поедешь в Ново-Архангельск, забереешь зазнобу... Кагирову Михаилу тожить нады за своей Алиной собираться... еще ведь как примет баба-то евона?... Да, не свезло мужику.

– Эх, Николай Иваныч, и что ты за перец-жгун? —Сергей плюнул в сердцах в костер.— Уж как давно знаем друг друга, шестой годок скорее, а ты всё одно: «хватит в блин раскатываться», «маслом исходить», «сыт», тьфу! Хоть бы надежду раз дал на дружеский уголек.

– Да уж... для лошади аль собаки это уже крепкий возраст, ежли не старость. А насчет надёжи ты меня не кори. Я – как наш лекарь... Сколь он кому надёжи из больных дает? Ну, то-то. Федор дает порошки, а не надёжу...

– Так, значит, веры у меня в тебя, как в кота моравского? Эх ты, сухарь. Вот оно и выходит, что из нашей дружбы одна мука. Чужой ты какой-то стал, Иваныч, как ентот месяц. Ни тепла от тебя, ни холоду. Вот тебе и весь мой сказ. А ну, двигай отсель, а то клюну кулаком в морду.— Худяков с грохотом и со шпорным лязгом сбросил ноги с сосновой чурки.

– А я не во гнев скажу,– Щербаков лишь хмыкнул в кулак.— Нельзя из сухаря турецкого щербету сделать. Ну чо ты

ко мне завязался? Характер у меня таков. Ужель не чуешь?

– А мне Панас брехал даве, что ты со мной водишься только из-за того, что мы с тобой земляки, с Урала, значит.

– А ты и уши разаршинил. Ему только брехать... Пана-ас! Хохол – он и есть хохол. Дивно, что мало только наврал. Для него мы все кацапы⁶¹, он и в походе на сало жметя, как баба на тряпку. У него и советы-то зачинаются со слов: я вам, хлопци, не советую.

– И то верно.– Худяков, аляя ушами, кивнул головой, насупился на себя и принялся постукивать палкой по головне в кострище, сбивая раскаленные, фыркающие угольки. Вдоль складов поплыл аромат ладана. Казарма, как и другое жильё, топилась «душмянкой», аляскинским кипарисом, коего вдоволь родилось и тут, на вечнозеленых берегах Калифорнии.

– А я уж и вправду подумал, Иваныч, что ты только восхищаешься предчувствием моей смерти,– через минуту простодушно заявил Сергей.

– А я всегда думал: ты не боишься смерти.– Николай прислушался к ночи, к тихому миру теней и бликов жемчужной луны.

– Не боялся, пока не полюбил. Мне теперь и жизнь, и деньги во как нужны! Вот сколь, Иваныч, мужик может прожить без еды?

⁶¹ Кацап – прозвище, издревле данное в Малороссии великорусским мужикам. Представляет испорченное «як цап», т. е. «как козел», – намек на бороду, которую малороссы бреют. (Прим. автора).

– Черт его мать знает... Ну месяц, полтора... Может быть, два... Бог миловал, не пух с голоду.

– А без бабы?

– Я сим вопросом не мучусь, привык без них... как уж сложится. Змеиное это дело – бабы...

– Экая ты всё же взлайка, Иваныч! То тебе не понять, что тепла ты ихнего, любви да запаху не знаешь. Потому ты и хмурый вечно, что ненастный день... И еще... – Худяков выдержал паузу, обратив на себя внимание хорунжего, и доверительно шепнул: – А ежели по совести... Боюсь я, Николай Иваныч, войны с испанцами... Крепко боюсь... Жестосердие, вот крест, раньше родилось их самих. Уж как своих казнят... ой, люто!

– Эт в точку, – Щербаков распоясал кисет. – Мы за-были об испанцах, а не о нас нет. Ежегод на русского мужика зуб точили, а нонче в открытую ереститься⁶² начали.

– Вот-вот! Когда наш есаул пришел от ихнего губернатора и сказал, что дело «табак», возвращамся, братцы... Веришь, у меня чуть в грудях сердце не разорвалось... Война, значит?..

– А оно и рвется, где тонко, – хмуристо буркнул в ночные усы хорунжий и подцепил из костра уголек. – Черт бы побрал их всех, вместе с попами ихними.

Казак набожно перекрестился:

⁶² Ереститься – сердиться, задориться, лезть в драку (сибирск.). (Прим. автора).

– Да простит меня за сии слова Иисусе Христе. Не-вольник – не богомольник. Ведь как получается, Сергуша,– хорунжий протянул ароматную трубку товарищу.—Вроде ведь как дружбу водили с ими, а на поверку что ж? Эх, доколе они врагом союзника и союзником врага будут? У нас ведь... боится, скрывает Иван Александрыч ту факту, ан шило в мешке не утаишь. Агличане, милый ты мой, тоже не дремлют. Вот и ты дрейфишь, голубчик, правды, но я открою ее тебе. Ежели только зачнется рубка, красномундирные тут как тут, встанут на сторону гишпанца. Эх, брульянт ты мой изумродовый,– крякнул в сердцах Щербаков.— Одним тешу себя: их сталь рубила многих, а нам выпала честь рубить их, сволочей.

– А ежели их сторона возьмет? – сдавленным, хриплым голосом обронил собеседник.

– Тогда... тогда колупнем взрывом наш форт и уйдем под парусами к своим.

– Вот так итог! – присвистнул взволнованный Худяков.— Решится ли на сие их превосходительство? Это ж всё равно, как плюнуть на русский мундир. Иль грязью его помазать!

– Ну что ты зекаешь на меня, как будто я тебе дол-жун? – хорунжий, сам не зная, куда себя деть, плюнул в костер и выругался: – Эх, будь я собачий сын, а ты то, ты чо посулишь? Грязь на сало – высохла, отпала. Зато жизни сохраним и... Да не глазей ты на меня так, а то шарахну плеткой!

– А ты не пужай, хорунжий! Пуганый! Не ты один пытался

шкуру мою дубить! Крестили меня и в морду, и в шею. Ничего... живой. И земля меня носит, и, как видишь, не гнется... Но знай: я хоть и потею душой пред кровью, но сил не жалею, чтоб цитадель нашу удержать! И сам на меня глаза-то не остробучь! Твои мысли и перед Богом грех! Реветь тебе за то в жупеле огня!⁶³

– Замолчи, сопля ты зеленая!

– А ты не свое на себя и не тащи! Ишь, выискался командир! – Худяков матькнулся и поднялся с земли, тряхнув кудрявым чубом. – Я-то думал, ты крепкий духом, а ты... как гнилой кнут... А я еще тебе, дурак, душу свою изливал.

– Вот именно, что дурак, – в карих глазах хорунжего скакали алые языки костра. – Тебе, друже, об одном, а ты Бог знает о чем толкуешь. Может, прикроешь рот, довольно удивительны мне твои речи... Всё передергиваешь. Ведь я же не корысти ради, не ради трусости насчет форта сказал... Ни Боже мой! Знаешь, брат, надо уметь хитрить в этой жисти, а не лоб разбивать под ее ударами. Ну-к, иди сюды, сядь, дурий. Гляньте на него: оборотилась в волка овца.

Худяков после трудного раздумья сел на прежнее место и недоверчиво, чуть не враждебно поглядывая на Щербакова, с мстительной радостью молвил:

– Сесть я, конечно, сяду, но при таком раскладе вещёв смягчить свои выражения не стану.

– Да погодь ты, не стерви! То ли я не знаю, что дело чести

каждого казака при защите быть? Черная ты глухота... Афанасьева хоть спроси, бежал ли когда хорунжий? Показывал спину свою? О, отцы-святители, и откуда тебя такого холера принесла к нам? Силов он, видите ли, собрать послушать не может. Линию всё свою гнет...

– А ты не неволь мою душу! – Худяков ударил черенком нагайки по глянцевому хрому сапога.– Так-то оно нельзя тоже. Есть что в пику да в ум сказать – сказывай. А не то я в одноряд уйду. Сиди тутось, считай звезды. А мы премного вами довольны будем, милостивый государь.

– Так вот знай,– Николай Иванович вперил свой взор в замолчавшего казака.– Я ведь о том, что ежели вдруг... Пушки спасти надо... ружья... баб наших, ребятишек... Их-то ведь враг не помилует, всех угонит в полон и продаст в рабство... Неужто ты хочешь, чоб наши девки с басурманом сваялись, а? Тут как ни крути, а бабу с детьми понять можно... Редкая, кто руки на себя наложит при детях, опять же грех великий... А в нужде да боли баба —кошка: кто погладит да молока нальет, тот и хозяин. Ты слухай, слухай, Сергушка, да на ус мотай. Теперь, значит, так... Ежели испанец столкнется с красномундирными, да не дай Бог морского разбойника золотой монетой ублажит,– тогда ставь на нас, брат, крест... Не выдюжить нам... А я супротив такой силы своих друзей, товарищей, братьев кровных бросать бы не стал... Ты тут хоть чо говори мне, Сергушка, хоть голову руби, а то, один черт, рубка зазря будет. И мыслью сей я не

только с тобой делюсь, надо – и в комендантский дом пойду, а кровь в песок лить не дам. Ты сам-то возмужай умом, чай я тебе глупость мелю? У сотника нашего – бес разберет – крестов на ём боле али зарубин и шрамов, испятнанный весь, однако почему-то прислушивается ко мне и не пылит с полуслова как ты, черт бессовестный.

– Да что ты? Ужель насчет Ляксеича правда? – Худяков моргнул растерянно голубыми глазами.

– Истинный Бог! – хорунжий окладисто перекрестился и, растягивая губы в улыбке, едуче воткнул: – Это ж только ты, пакость, копаешься в моих словах, как жук в навозе. Всё в герои рвёсся, в рот тебе дышло. Но, но! Не кипятись, Сергей Иваныч, умеи слушать, умеи! Как товарища помоями обливать – так тебе кадки не хватат, а как...

– Ух, до чего же ты сволочной и мелочный стал, Щербак! И голос-то у тебя мерзкий, будто лаптями по тине хлюпаешь... Вот не был бы ты мне старым товарищем, ей-Богу, голову бы срубил.

– А ты меня не сволочи, брат, я за свою жисть уморился и без тебя, а за честь отвечу, не боись...

– Ну и когда же ты вознамерился к господину Кускову идти?

– Когда?

– Когда? – Худяков не отрывал напряженного взгляда от хитрого лица хорунжего.

– Да как-нибудь днями. Покуда время еще не приспело –

что зазря беспокоить начальство.

– Ну, что же... – Сергей почесал затылок, сунул нагайку за голенище.– Может, ты в чем-то и прав, Иваныч. Поглядим. Эх, нашенским рукам тут работать надо, а не сабли вертеть... Верно говорят: хорошо там, где нас нет. Ладно, пойду я не то. Уж скоро месяц начнет таять. Щас бы ешо «ерофеича» перед сном, чтобы огонь по зебрам⁶⁴ прошелся. После такой разговоры – печаль одна, тоска.

– Эх ты, водочник – сито худое, вот отсекут тебе руки испанцы, чем чарку ко рту подносить будешь? Да шутю я, шутю. Айда, есть у меня в заветном погребеке перцовка, щас тяпнем. Но только завтра, гляди, сведи своего Месяца к Егору на кузню, добро? Люблю я твоего коня.

– Да что я, враг себе, что ли?..

⁶⁴ Зебры – в простонародье жабры.

Глава 8

Казачи, затушив тлеющее кострище, ушли. Далече над океаном сварливо, по-стариковски грохотнул гром, вспыхнувший обломок молнии на миг высветил чернильную бухту.

Иван Александрович, вышедший из дому, основательней запахнул кафтан. Не спалось. После разговора с есаулом душу давил могильный камень. «Какую нам готовит судьбу июнь – венок из цветов и ягод?»

На западе сажевая даль вспыхнула ярче, ночь долго и тяжело по-бабьи стонала и наконец разродилась дождем, но не крепким, здоровым и мягким, а колючим и редким, точно сыпали через слепое сито мелкие, гнутые гвозди. Налетевший сырой ветряк не снял душевной духоты. Прежде от него на сердце Кускова становилось светло и вольно, по жилам гуляла непроходящая заполошная деятельная юность – нынче стояла пустота и тревога.

«Глупый, всё мечтал, что тебе большой памятник на могиле поставят... Одна сабля в три версты из чистого золота... Почет и трубы, лавры и барабанный бой... И не совестно тебе? Это только царям да князьям стыдно и совестно не бывает! – вспомнились слезы жены.– А о нас кто подумает, случись беда? Чой-то из Питибури⁶⁵ твоего помощи нет...

Видать, так ты им нужен с Барановым!»

Да, заботой и лаской столица не жаловала.

Новорусская земля в Америке прижилась у России как падчерица на дворе у вечно сонного, больного с похмелья отчима. Санкт-Петербург боле интересовали пушные ре-естры, доходные статьи для казны и караваны судов, что шли с далеких рубежей.

«И отчего такой Рок? – кручинясь душой, давил себя вопросами Иван Александрович. – По живому рубим, по живому ходим, живым живем... А вот постучалась в ворота беда – един ответ: имеешь свои две ноздри – вот и сопи в рукав. Всё верно, Катенька, всё верно, картина моя... Нужны мы столице, как собаке пятая нога.

Вот и Дьякова в Монтерей провожали, как хоронили. Последняя надежда была, и та сгорела. Испанцы опасны, потому как опалены страхом и отчаяньем. Своей смуты в стране хватает, но как развеять, как снять их опасенья, что не враги мы их, а друзья и союзники? Тьма времен и столетий лежит в недоверии народов друг к другу... Пойди, разберись. Ведь какое баловство, незадача случись – сразу виним друг друга, глаза кровью наливаются, а ведь в одного Христа веруем, одни заповеди чтим. Что ж получается? Всё ложь и кривда? Тогда кто правит нами, Сатана? Ладно, хоть обошлось с нашим южным соседом без пылких признаний в любви и клятв. Видно, не случайно слова «ложь» и «любовь» начинаются с одной буквы. Однако странно и жутко, какие рожи

жизнь корчит. Ужли это судьба? Но судьба – это скучно. С ней ничего не сделаешь, не сладишь...»

«Порой правда меняется от коллизий и ситуаций, голубчик. Закон, правила, – всё сие хорошо и благо, но, право, стоит временами прислушаться и к голосу своего сердца», – вспомнились слова правителя Аляски. – Оно у вас есть, голубчик? Тех, кого убили во втором году в Ситке⁶⁶, вырезали на редуте Святого Михаила...⁶⁷ – все были нашими товарищами. Вас не было, друг мой, на их похоронах, а я был. Вы не видели, а я видел глаза их вдов и детей... Вы не рыли ямы и не забрасывали их землей, а я да... Это ужасно, ужасно, Иван Александрович. Да, они пошли под град пуль и огонь славы, но какой ценой? Это был ад! Ад, который мы допустили сами, который, увы, не смогли отвести... Беда России, что за своим величием она не зрит боли и страданий своих границ. А ведь так просто, решительно просто собраться в единый кулак и действовать. Нашим владыкам стоит научиться уважать и любить своих подданных, видеть в них людей, чув-

⁶⁶ Ново-Архангельск (Ситка) – город-порт, исторический центр Русской Америки. Основан А. А. Барановым в 1799 г. под именем Ситка на одноименном острове. В 1802 г. форт был жестоко разграблен и сожжен индейцами (колошами-глинкитами), подстрекаемыми английскими матросами (пиратами и каперами), а почти все русские и союзные алеуты, находившиеся там, убиты или взяты в аманаты (заложники). В 1804 г. город был восстановлен и тогда же назван Ново-Архангельском. Позже, после продажи Аляски (1867 г.), американцы снова переименовали город в Ситку.

⁶⁷ Редут Святого Михаила находился на берегу Нортонова залива. Ныне американский форт Сент-Майкл, США. (Прим. автора).

ствовать и разделять их чаянья, боль. К этому должно привыкнуть, ежели мы не хотим потерять то, что кровью и костями сделали наши предки. Это так просто, Иван Александрович, надо только возжелать сердцем и засучить рукава».

Кусков наморщил высокий лоб: «это так просто...» — всю свою жизнь он пытался постичь эту истину, следовал ей, равняясь на своего кумира, истово радел за Отечество, но вот оно отчего-то оставалось глухо... «Мы ли ежедневно не молились о здравии Государя, семейства его, членов правительства и воинства православного, следуя призыву Павла: “Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога...” Но, видно, не вдруг и не легко сложить гармонию — духа, власти и разума...»

— Может, мы только в смерти найдем покой и правду, какую не сыскали в жизни? — раздумчиво слетело с губ.— Но что об этом, до смерти еще дожить надо... Всё это пустое гадание на бобах и картах. Думать нынче надо, нельзя допустить повторенья второго года. Уступки испанской короне могут иметь для наших колоний фатальный исход. Еще и англичане... С ними Россия вечно живет как мозоль с сапогом. И сапогом себя, конечно, мнят и считают они... Да что там, и без того было ясно, как белый день: гадили англичане мелко и крупно на новорусской земле, как уж сподручней было, издревле так велось. От Баранова и графа Резанова Иван Александрович слышал, что лорд Катхарт — экс-посол Англии в России — был ловкач еще тот. Ну, а уж ныне

здравствующий лорд Уолпол и того хлеще... От знания всех этих низостей портилась кровь, опускались руки.

Светлорусые брови Ивана Александровича соединились на переносье: «Господи, как мне хочется броситься, победить от всего туда, где за лесом и камнем, водой и солью наши селения, русские лица, родная речь! И долгожданные книги, беседы, газеты! Сколько уж я лишен всего этого, господи! Как там Александр Андреевич? Есть ли, наконец, указания от графа Румянцева? Ждать ли помощь, силу русскую? Как там Россия? Есть ли весточки из родной Тутьмы?»

От мыслей таких рука коменданта, заложенная за борт зеленого кафтана, задрожала. Командир сурово задвигал бровями, сжал губы и скovyрнул набежавшую слезу.

Вдали за спящей крепостной стеной мерно и мощно дышала черно-зеленая, с лунной прожилью грудь океана. Оттуда всё крепче тянул сырую густой ветер, сизая жирная туча закрывала щербатый месяц. Было пусто, мокро, неудобно.

Кусков поёжился, прислушиваясь к голосу ветряка, который, казалось, приносил стоны погибших моряков и промышленников. «Однако пройдушь трошки, один черт, не уснуть... Не годится тебе, Иван Александрович, голову такими бабьими мыслями забивать... Крепись, брат, теперь на тебя вся надежда. Никуда ты отсель не тронешься. Это помни и крест свой носи достойно».

Обойдя стороной дом, комендант заметил, что в неко-

торых избах радивые хозяйки уже запалили лучины, где-то за приземистой казармой мирно брякнули дужкой ведрб и хлопнули дверью. Из печных труб потянуло сладким дымком жилья, но не тем опасливым, бледным дымом кост-ров зверовщиков, что стерегутся налёту диких, а густым и важным, который манит путника заглянуть на огонек и неторопливо испить душистого чайку.

Иван Александрович невольно сглотнул слюну, когда за дровяным складом неуловимо пахнуло ароматом подового хлеба. Пахло скорее морским ветром, йодом и рыбой, а он ясно ловил запах теплого хлеба, только что испеченного на поду⁶⁸ русской печи.

«Вот он, рай на земле! Вот она, благодать Божья!...» Уж кто другой, а Кусков знал цену запахам обустроенного жилья. Знал цену и слезам зверобоев, когда они, по году и более не видевшие бани и горячей лепешки, возвращались в родные места. Как радовались они любому знаку: брошенному ли за ненадобностью куску парусины или скомканному листу порыжевшей бумаги, как прижимали его к груди, рассматривали и хохотали от счастья, что сумели дойти, выжить в диких пустынях, не умерев от голода или стрел свирепых дикарей; как они по-детски радовались горячей воде и мылу, брили ножами бороды и смеялись: «лица босые ешо Петр Ляксеич в моду ввел. Бройся, мужики, не жалей мох

68

Под – в печах нижняя часть в топке, на которую кладутся дрова или обрабатываемый жаром материал. (Прим. автора).

под носом, новый взойдет!»

У южной сторожевой башни Кусков придержал шаг, кивнув часовому, и потрепал по густому загривку подбежавшего своего кобеля.

– Ну что, Кучумушка, и ты тут? Тоже не спится, сторож? Вижу, вижу, родной. Хозяйка-то спит, не чета нам. Ну-с, что же, пойдем, потолкуем, подумаем вместе.

Кучум, уткнув в колени хозяина крупную, схожую с волчьей морду, чутко вострил нервными ушами, жмуря в сладкой неге глаза. Это был пес крепких сибирских и аляскинских кровей с острой, вечно улыбающейся мордой, мощной широкой грудью и сильными лапами.

– Что, жарко тебе, дрянь ты этакая? Эт тебе не по Юкону⁶⁹ в снегах шастать, – Кусков еще раз ласково по-трепал Кучума, густая, пушистая шерсть которого делала его похожим на бурый косматый шар, и не спеша побрел по направлению к дому. Собака послушно последовала рядом, по-прежнему не спуская глаз с хозяина.

– Эх, братец, деньки-то у нас, по всему, впереди горячие. Ну, что молчишь, белозубый, дай хоть ты совет. — Комендант задумчиво поглядел на частокол из толстых, потемневших от океанских ветров бревен с амбразурами для стрелков и четырьмя шатровыми башнями пушечного боя. Там, за степями, поднимался еще земляной вал и был выкопан до двух

⁶⁹ Юкон – большая река в Северной Америке, впадает в Берингово море; протяженность 3.180 верст; богата золотыми россыпями. (Прим. автора).

саженной ров, однако это тешило мало. Все эти преграды могла перелететь и запаленная стрела, и уж тем паче пуля. «Черт его знает, может через неделю-другую наши пушки уже откроют свой бал».

Кусков, не замечая заигрываний Кучума, медленно прошел вдоль длинной казармы, где проживали холостые казаки и зверовщики, миновал амбар для пушнины и воловьих шкур, скупавшихся прежде у индейцев, пороховой погреб, провиантский магазин и большую артельную баню. Стоя лицом к часовне, которая так и не могла дожидаться своего попа, он трижды перекрестился, прочитав молитву; потом бросил взгляд на кладбище, что лепилось тут же, за церковным палисадом – десятка два-три невзрачных, из теса крестов: могилы компанейского люда⁷⁰ и вольных промысловиков, умерших от цинги, ран и лютой простуды. Здесь же были могилы и погибших недавно на Славянке казаков.

Над фортом Росс, на высоком флагштоке плескался на ветру трехцветный торгово-коммерческий русский флаг. В груди коменданта зануло, ёкнуло сердце. Неужели и вправду когда-то на сем флагштоке будет играть с ветром чужой флаг?

⁷⁰

Компанейский люд – т. е. принадлежащий Российско-Американской Компании, которая была образована в 1799 г. путем объединения многих мелких купеческих компаний. В 1821 г. Компании были даны царским правительством очень широкие права. Она могла не только монопольно эксплуатировать пушные, рудные, лесные и рыбные богатства Русской Америки, но и осуществлять там административную власть. (Прим. автора).

* * *

– Ну что ты всё ластишься ко мне, горе луковое? Нет у меня ничего. Вон, у амбара пожируй мышами, Кучум. А ну, иди, иди, погляди! Где там мыши? Где они? Где? Поди, котов всех наших поели, а? Ату их, ату!

Однако пес только жалобно взлаивал, беспокойно прискакивал на передние лапы и выжидательно смотрел на хозяина, точно говоря: «Ты уж не считай, что я такой дурий. Часом, не щенок».

– Вот то-то, что не щенок, – хозяин ласково оттолкнул от себя пса. – Я тоже не в юнцах хожу, осечки в этом вопросе допустить не имею права, а к утреннему смотру должен ответ людям дать, иначе какой же я командир. Эх, мне бы твои печали, брат Кучум, да твою прыть. Я, голубчик, в пору младости тоже был весел, шутил, случалось проказничал... Как же-с, помню, было времечко... А нынче нет. Понимаешь, тут дело такое, тонкое, политическое. Уничтожить врага – ремесло, заставить его застрелиться, а более вовсе не взять оружие, – это искусство. Вот для тебя я хозяин, для других командир, ну... вроде как круторогий баран с колокольцем, что идет впереди стада... Овцы уверены, что он знает, куды он ведет их. А баран, братец ты мой, всего лишь желает быть впереди: не пыльно, значить, и добрый выбор травы. Так опять же бараном мне быть нельзя, ушастый: не чужие, так свои волки сожрут... За ними не станется. В сей жизни только дураки и мертвецы всегда думают едино. Ну что,

артельное брюхо, складно брешет твой хозяин? Верно, машешь хвостом, от души говорю. Достоин похвалы, а? Хотя и без шибкого пота слова с языка слетают. Эх, сунуться б невидимкой к испанцу в стан! Ну-с, хоть бы одним глазком глянуть. Ведь не ответили толком они нашим послам ни да, ни нет. Дым без огня... Не люблю я тайн, не люблю. Ладно, что же, пойдем домой... Будет день – будет пища.

Часть 6 Цель оправдывает средства

Глава 1

Власть и богатство – это своего рода опухоль, команданте, которая, разрастаясь, убивает чувства своей жертвы, – капрал Вентуро, стараясь лишний раз не встречаться с Сальваресом глазами, надвинул на густые брови лакированную шляпу.

– Ну, а что же тогда, по-вашему, бедность, amigo? —де Аргуэлло натянул посеребрённый повод, придерживая своего черного, как смоль, жеребца.

– Пожалуй, это страх, дон, страх бедности... Увы, в этом мире он свойствен всем, кто рожден не в соломе, кто носит на португеее шпагу и служит его величеству королю...

– Вы говорите так обреченно, мой друг, точно страх бедности – это самое тяжелое нравственное заболевание, которым страдает наше грешное человечество, не так ли?

– Может быть и так, команданте, мне трудно судить, я солдат.

– Да, наш мир, капрал, напоминает мне публичный дом, где за поцелуй платят тысячу реалов, а за душу — пять сен-

сов. Ныне быть добродетельным тяжело. «Будь им, и ты будешь счастлив»,— так, помнится, говорят нам святые отцы. Но я хочу их поправить, Вентуро. Возможно, ты и будешь счастлив, но будешь и одинок. Мир не любит белых ворон, он заклеывает их или отгораживается каменной стеной монастыря. Ты, amigo, можешь возразить мне, сказать, что подобное утверждение безнравственно, но я отвечу: безнравственность — это нравственность тех, кто живет лучше нас, и только. Разве наш вице-король, герцог Кальеха дель Рэй, тому не достойный пример? Ну вот, то-то и оно... Если верить Библии, все мы произошли от Адама... Адам был человеком — и этим всё сказано. Он сорвал запретный плод, право, не потому, что сие был плод... Нет, друг мой,— Сальварес лукаво прищурил кофейные глаза, опираясь левой рукой на луку седла.

— А почему же? — Вентуро задержал в руке открытую фляжку с водой.

— Очень просто: потому что плод был запретным. Человечество всегда было порочным. Дружба, любовь, верность, честь — что там еще? Ах, ладно, пустое,— дон Сальварес небрежно махнул черной перчаткой.— В наших местах есть древняя поговорка: «Есть только три верных друга: глухая жена, старая собака и золотые в кошельке». Вот так-то, капрал. Ведь если задуматься и разобраться, что правит миром? Можешь даже не спорить: нажива и деньги. А что такое богатство? Да очень просто: это отнятые чужие деньги. Этим

из века в век и занимаются люди.

Каменистая тропа, по которой ехали всадники, круто пошла в гору, и им пришлось следить за своими лошадьми и думать о собственной безопасности. Вентуро начал подниматься на одну из сплошь усыпанных глыбами гор. Временами рейтарам приходилось спешиваться и вести уставших животных в поводу. Кругом теснились желтые и красные вершины.

Расставшись с наместником Чуаларе сеньором де Сантосом, бригадиром Рока и падре Ромеро, Сальварес не посчитал нужным отправиться в Монтерей. Вернее, он собирался сделать сие, но несколько позже. Пока у него были дела поважнее: он должен был встретиться с людьми Монтуа, а генерал Ордена не прощал ошибок...

Свою «летучую сотню» лейтенант оставил у реки Салинас, волонтером незачем было зреть «черных янычар»⁷¹ его

71

«Черные янычары» (папские янычары) – одно из названий иезуитов. «Один из французских просветителей Поль Гольбах в «Карманном богословии» писал: «Иезуиты – очень черные и очень воинственные монахи, которые вот уже два века оживляют умирающую веру. Это папские янычары, кои нередко доставляют неприятности святому престолу». Своей беспринципностью, изворотливостью, политиканством иезуиты, этот ударный отряд феодальной реакции, вызвали против себя ненависть всех прогрессивных общественных сил. Слово «иезуит» стало нарицательным, «иезуитством» стали называть двуличное, лицемерное поведение, оправдывающее красивыми словами неблаговидные поступки. «Нет такого злодеяния, какого не совершила бы эта порода людей, – писал д'Аламбер в знаменитой Энциклопедии. – Добавляю, что нет такой мощной доктрины, какой она не учила бы». Иезуиты стяжали столь позорную славу и ненависть, что даже Ватикан, боясь скомпрометировать себя, вынужден был в конце концов под

святейшества. Собственно, и капрал Вентуро в этом пасьянсе был лишним, но глухая тропа в каменистых ущельях Габилана⁷² была полна опасностей и требовала подстраховки.

Сальварес остановился перевести дух, его драгунская уставная шляпа пестрела темными пятнами пота.

– Эй, придержи, amigo, – сын губернатора подтянул ослабшую подпругу, выровнял сбившийся потник и закурил сигару.

Прямо перед ними возвышались темные горы, высокие и неприступные. Крутые, острые вершины нескончаемой стеной тянулись с севера на юг, и нигде между ними не было видно прохода. Багровый шар солнца клонился к западному горизонту и алый свет заливал окрестности.

– Нам стоит поторопиться, дон, – капрал, спрыгнув с коня, остро низал взглядом сгущавшиеся сумерки. – Десять лиг то в гору, то под гору... Дьявол, так можно угробить лошадей, сеньор.

– Мы у цели... – медленно прозвучал ответ, – дальше я поеду один.

– Один? Это опасно, команданте! – Вентуро тревожным взглядом еще раз охватил особенности сего глухого, нелюдимого места.

Сойдя со своей лошади, он торопливо подошел к Сальва-

давлением передовых сил общества отступить от них». (Бонч-ковский И. Отцы-иезуиты. – М.: 1975). (Прим. автора).

⁷² Габилан – горный хребет в Верхней Калифорнии, тянущийся с севера на юг параллельно хребту Дьябло.

ресу и открыто взглянул на него, хотя и не прямо в глаза.

Место, где они сделали краткий привал, представляло собой дикое, мрачное зрелище. Отсюда начиналась узкая ложбина, окруженная высокогорным можжевельником, сплошь покрытая жухлой травой, низкорослым шиповником и бальзамино⁷³. В низинах, где ручьились скальные ключи, трава была ярче и крепко пахла цветом багуль-ника⁷⁴.

– Что-то не нравится мне тут, команданте.

– А мне напротив, – усмехнулся Сальварес и, не вынимая сигары из губ, похлопал по плечу капрала.

Вентуро замолчал, беспокожно поправил ремень и опустил глаза. Ему было непонятно двусмысленное, полуобнаженное значение этих слов. Еще более мексиканцу был непонятен смысл сего перехода. Эти места как ни какие другие подходили для «десперадо», разбойников, грабителей и убийц. Сердце капрала ущипнул легкий холодок страха. Его

⁷³ Бальзамин (бальзаминовые) – семейство растений, состоящее из 225 видов. Бальзамин (*impatiens balsamina*) растет с красивыми цветами; разводится в садах. Другой вид – «недотрога», «не-тронь-меня» (*I. nobime tangere*): зрелые плоды скручиваются, разбрасывая семена при малейшем прикосновении; цветы, как правило, желтые; в России произрастают в тенистых, влажных местах. (Прим. автора).

⁷⁴ Багульник (*Ledum palustre*) – кустарниковое растение из семейства вересковых; запах листьев одуряющий. Употребляется для дубления кожи; листья подмешивают в пиво. в ветеринарии используется для лечения лошадей, крупного рогатого скота и свиней от раздутия брюха, а также для истребления клопов. Растет, как правило, на торфяных болотах и во влажистых местах. (Прим. автора).

изрытое оспой, обросшее седеющей щетиной лицо выглядело серьезно.

– Что, пугают эти места? – Сальварес в очередной раз вернул сигару в угол рта, затянулся, и пепел в фиолетовом сумеречье вспыхнул рубином.

Капрал, не поднимая головы, пожал плечами. Но он чувствовал на себе взгляд лейтенанта и был вынужден сказать:

– Да, команданте, настораживают.– Он снял шляпу, откинул пестрое индейское серапе, нашарил в жилетном кармане обломок расчески и тщательно зачесал назад припорошенные сединой редеющие на макушке темно-каштановые волосы. Пальцы Вентуро нервно играли с костяным гребнем. У него были грубые, покрытые шрамами руки человека, который с детства познал тяжкий труд: рыл канавы, клал камень, ходил за плугом и никогда не расставался с оружием.

– Ты знаешь что такое бунт, капрал? – мимо лица Сальвареса плыла серая паутина табачного дыма.– Это язык неслышанного. Наша природная глухота породила в народе грубость – потуги рвани продемонстрировать свою силу. Обычное дело... Чем больше у собаки выпадает зубов, тем яростнее она кусается.

– И всё же... они люди, сеньор. Я сам... – Вентуро развел руками и замолчал. За крепко сжатыми губами прятались стиснутые зубы. «Какого черта мы заехали сю-да?.. Зачем?» – беспокойство и всевозрастающая внутренняя тревога жгли изнутри, ему хотелось выговориться, но суборди-

нация и гневливая вспыльчивость младшего де Аргуэлло заставляли его благоразумно молчать и не лезть в бутылку.

Ко всему прочему Вентуро не привык, чтобы командир спрашивал его, советовался с ним, и оттого нервничал всё сильнее. Ладони его непривычно взмокли; нестерпимо хотелось умыться родниковой водой и глотнуть свежего воздуха. Отвечать на вопросы команданте ему было в тягость, словно глаза не переносили вида Сальвареса, и каждый раз, когда он оказывался рядом с ним, внутри что-то обмирало и делалось тяжелым, едва ли не созревшим для по-хорон.

– Что же, возможно, в твоём ответе и есть зерно логики, amigo. Все люди братья... Творенье Божье... Но вот беда: мысль о равенстве, быть может, и хороша, но не практична. Как говорит наш падре Доминико Наварра: «Молиться Иисусу легче, чем служить Ему».

– А как же быть с русскими, дон? – под глазами Вентуро набрякли тяжелые мешки, по обе стороны от крупного горбатого носа ярче обозначились борозды глубоких морщин. – Плюнуть на мнение нашего народа мы можем: кнут и цепи у «позорных столбов» сделают свое дело, но русские...

– Каждая нация, Вентуро, имеет право на собственное мнение, – усмехнулся Сальварес, бросая под низкий каблук окуроч, – если оно совпадает с нашим. Компромисс в сем вопросе не дурной навес, но плохая крыша. *Omne nimium nocet*⁷⁵. *Pro domo sua...*⁷⁶ мой отец никогда не пойдет на это.

Русский медведь должен сидеть на цепи и знать свое место. Ложь, капрал,— это тяжкий грех перед Господом... Но, заметь, очень действенная помощь в беде. Поэтому если она понадобится для Новой Испании, вряд ли мы будем воротить от нее нос, ссылаясь на скверный запах. Политика — путаная тропа, приятель. Если ты сделал в ее стременах карьеру, тебя ожидают награды и лавры... Если же оступись и опозорился, ты всегда можешь пересесть в другое седло. Но самое ценное в политике — короткая память. Вот видишь, многое уже забылось, что мы обещали русским, но, верь мне, мы похороним и всё остальное.

— Но почему, сеньор? — возмущенное сердце капрала бешено колотилось.— Ведь было время — мы помогали друг другу... Монтерей, Санта-Круз, Пало-Альто не раз просили помощи...

— Забудьте, капрал.— Сальварес ткнул плетью в широкую грудь волонтера.— Мелкий ум всегда тщится знать исключительное. Ум значительный — заурядное. Впрочем, вам этого, один черт, не понять, Вентуро.

— Почему вы так считаете, команданте? — хриплый голос собеседника обиженно дрогнул.

— Почему? Да потому как сие так. Спокойно! Ну-ка, капрал, может быть вы назовете мне главные отличия осла? — песок битым стеклом захрустел под сапогами Сальвареса.— Ну так что? — снова шаги.— Выходит, я прав, ты даже не мо-

жешь ответить на этот смешной вопрос.

Мексиканец, вконец смущенный и загнанный в угол, почувствовал, как по телу, под одеждой медленно, улитой пополз пот.

Шаги опять нетерпеливо направились в его сторону, и Вентуро крепко, как лошадь, похлопали по щеке. Он поднял карие глаза и увидел совсем близко перед собой лицо своего командира.

– Так какие отличия, м-м?! – резко, с наигранным интересом спросил лейтенант. С красивого загорелого лица смотрели пугающе дерзкие, горящие глаза, схваченные первыми трещинками наметившихся морщин.

– Наверное, уши, дон... – Вентуро подавленно обтер тыльной стороной руки сухие обветренные губы и замолчал.

– Это ослиные рассуждения, капрал. Упрямство – вот золотое зерно ответа. И оно, это тупое упрямство, – де Аргуэлло вновь, только сильнее ткнул плетью мексиканца, – сидит в вас, как морковь в земле. Впрочем, довольно пустой риторики на эту тему. Вы должны уяснить одно, Вентуро: тот, кто живет только надеждой, увы, умирает голодным. Калифорния – наша родная, солнечная Калифорния, черт побери, – это лучшее место для жизни! Особенно если ты апельсин или слива. Это наша житница, приятель. И если мы потеряем ее... – кофейные глаза Сальвареса мстительно полыхнули черным огнем, – потомки нам не простят сей позор. Мы должны драться за каждый камень этой земли, а не прислу-

шиваться к чьему-то там мнению. Надо уметь любить свою родину, свою колыбель. А от любви, как известно, есть только одно средство: любить еще более.

– Но что можно любить, сеньор, если вы сами говорите, что миром правят нажива и деньги, что люди из века в век крадут друг у друга самое сокровенное, самое дорогое?..

– Э-э, нет, приятель. Крадут воры. Это они живут в уверенности, что крадут все. Я говорил тебе о другом, что, к сожалению, в этом мире с уверенностью можно вещать лишь о двух вещах: о смерти и о королевских налогах... О черни, которая борется якобы за свободу, а на самом деле за власть, то есть за возможность угнетать других. Все эти псы лают до хрипоты о верности делу и своим знаменам лишь до тех пор, пока им нечего делать и терять!

Сальварес, распаленный речью, на миг замолчал, прислушиваясь к сгустившейся темноте позднего вечера, а у капрала вновь ёкнуло в груди: «Зачем мы здесь? Чего ждет лейтенант?»

Воспользовавшись паузой, он двинулся в сторону своего коня, чтобы утереть его мокрую спину пучком травы, но командирский голос снова стреножил его:

– Не так быстро, капрал. Я не отпускал вас. Что, трещит голова? Иногда полезно заставить работать мозг. Хочешь сигару?

Пораженный вниманием офицера, Вентуро неуверенно протянул руку, вжикнул огнивом и благодарно кивнул сыну

губернатора.

– И всё-таки жаль, команданте, что мир так паскудно устроен,— он снова глубоко затаился и медленно выдохнул полную грудь ароматного дыма.— Жаль, что крепче всего на свете люди стремятся побольше подмять под себя, из кожи лезут за теплое место — пусть даже это место будет главного плакальщика на похоронах. Жаль и другое, что мы просим Бога простить нашего ближнего лишь то-гда, когда сами его не простили.

Мексиканец замолчал. Вынув изо рта почерневшую от слюны сигару, он задумчиво уставился на ее мерцающий конец.

– А разве так должно жить истому католику, дон? Эх, все мы одним миром мазаны, сеньор. Нет-нет, я не о вас, не о вашем брате и не о вашем отце,— встрепенулся Вентуро и хмуро сплюнул отгрызанный грязный ноготь с безымянного пальца.— Выходит, отстаивать догмы бывает легче, чем жить по ним. Когда у тебя ветер в кармане — хочется есть. Когда есть серебро — хочется женщину. Ко-гда есть и то и другое — не хватает здоровья... Когда же есть всё — рождается жуткий страх. А это всё оттого, что живем желудком, забывая о Боге. Отец с детства учил меня работать, а не любить работу. «Так угодно Христу»,—любил говорить он. Эх, да что там, сеньор де Аргуэлло, всё верно... Шершавой щекой повернулась к нам жизнь.— Волонтер сцедил темную нитку слюны и хрипло выдохнул.—Раньше было принято спасать ду-

шу и честь, а ныне — задницу. Вы уж простите на грубом слове. А ведь того не понимают, глупцы, что сей порядок заведен не нами. Если король и церковь за тебя — хотел бы я знать, кто будет против? Но нет, ныне так не думают, разве что старики... Теперь и самому преуспеть мало. Надо, чтобы захлебнулись неудачей другие. Вот что такое нынче успех. А церковь? Разве осталось у неё прежнее почтение, сеньор? «Церковь и молитва — ваше спасение и щит», — вещает проповедь, а что говорит народ? Церковь и священники имеют такое же отношение к Богу, как придорожные вывески ближайшей таверны к жареному цыпленку и острому соусу дендэ или шиншима⁷⁷. Жажду и чувство голода они вызывают, но утолить их не могут. Что тут скажешь, дон... О времена, о нравы! — воскликнул волонтер, глядя на Сальвареса, закрывавшего рукой лицо от последних умирающих лучей солнца.

— Так говорит безбожная грязь, капрал, — де Аргуэлло снова замер, по-волчьи хватая слухом тишину скалистых кражей. — Негодяи и подлецы, которые по недомыслию выдумали, что видят мир не таким, каков он есть. Но я хочу в ближайшее время всему этому положить конец. И можешь довериться... не я один. Всех их ждет верная смерть, я знаю это.

— А как же дети? Среди скрывающихся в горах жагунсо⁷⁸

⁷⁷ Шиншим — жаркое из кукурузы, гуся или утки с тертым луком и чесноком; в него добавляются масло дендэ, сушеные креветки, размолотый миндаль либо зернышки тыквы или арбуза. (Прим. автора).

⁷⁸ Жагунсо — наемник, бандит (мекс.).

и сертанежо⁷⁹ их так много...

– Что делать, amigo! A la guerre comme a la guerre⁸⁰, как говорят французы.

– Кто-кто? – мексиканец настороженно сверкнул цыганскими глазами, подтягивая сползшие голенища сапог. Недоумевающая улыбка белела, как шрам, на прокопченном солнцем лице.

– Это тебе ни к чему, капрал, – офицер дружески ткнул его локтем в наметившийся живот. – Что же касается их выродков, то в этом возрасте смерть встречают легко, amigo. Помни одно: цель оправдывает средства.

⁷⁹ Сертанежо – житель сертана (пограничья), глухих, неосвоенных областей. (Прим. автора).

⁸⁰ A la guerre comme a la guerre – на войне как на войне (фр.).

Глава 2

Дымный сумрак наступившей ночи затопил лощину. Располневшая луна плыла по аспидному склону в сиянии серебряной россыпи звезд.

Путники, набросив одеяла на плечи, более не чесали языки, курили сигары, временами поглядывая окрест, присматривая за лошадьми.

Всматриваясь в синие очертания скал, наливавшиеся ознобной темнотой, Вентуро треклятил день, когда добровольцем записался в ополчение маэстро де кампо. Деньги, правда, дон Сальварес платил исправно, но проку от них было мало. Дорога в седле съедала и без того краткое время утех, которые, как Божья милость, выпадали на солдатскую долю. «Уж лучше бы я прозябал в Пескадеро... через год-другой выбился в коррехидоры... завел семью и, может быть, счастье поселилось бы в моем доме...» – капрал прикрыл уставшие глаза, отдаваясь воспоминаниям.

Захолустье, в котором он жил, мало чем отличалось от подобных ему миссий. В Пескадеро правили все те же неписанные католические законы святых отцов-основателей. За преступления и проступки обращенных в христианство индейцев обычно выставляли к «позорному столбу» или проводили «публичное порицание», иногда в тесных стенах самой iglesia, где приговоренного, одетого в особую, грубую пока-

янную одежду, всячески поносили. Нарушителей покоя секли розгами и воловьими кнутами до двадцати пяти ударов, если осужденного не хотели забить до смерти... Провинившихся женщин, индейских скво, монахи при этом любили сечь сами⁸¹. Существовало и тюремное заключение, первоначально пожизненное, а позже – это уж было на памяти самого Вентуро – замененное десятилетним сроком. И хотя смертной казни как наказания в Пескадеро отродясь не было, святые отцы с присущей им ловкостью всегда умели убирать неудобных. Мало ли где в такой глуши мог пропасть человек: оступился в горах, утонул, погиб в когтях горного льва... Словом, стоит сказать, что этим негласным правилом служители церкви пользовались в Калифорнии, да и во всей Новой Испании с неменьшим успехом, чем в цивилизациях Старого Света.

Краснокожие, доведенные до полного послушания, слепо повиновались сим правилам. Вентуро и сам не раз наблюдал, как туземцы бросались на землю по приказанию своего патера, смиренно, как овцы, получали свои удары бичом, а позже с благоговением благодарили священника и целовали его руки. «Эти несчастные живут в более тяжком рабстве, чем негры, работающие в рудниках», – говорил как-то заезжий министр⁸² из Сан-Хосе, привозивший в далекие миссии устные указания его святейшества Доминико Наварры.

⁸¹ См.: Бончковский И. Отцы-иезуиты.– М.: 1975.

⁸² Министрант – прислужник католического священника.

Однако Вентуро, в жилах которого на четверть текла кровь индейцев талова, был рад заведенному порядку: продукты выдавались жителям Пескадеро с общественных складов и по строго установленной норме. Под своим неусыпным оком держали монахи и приготовление блюд, настрого запрещая есть мясо и рыбу сырыми, приучая варварскую паству к растительной пище и храня при себе ключи от пилйт⁸³ с ч%очей⁸⁴. Пьянство, к разочарованию многих, преследовалось рясоносниками любого ордена особенно сурово и энергично. И, право, не потому, что отцы-бенедиктинцы⁸⁵, равно как капуцины⁸⁶, иезуиты⁸⁷, францисканцы, доминиканцы

⁸³ Пилета – бетонный или глиняный резервуар для выдержки и хранения вин. (Прим. автора).

⁸⁴ Чича – перебродивший квас либо вино из плодов диких апельсинов, персиков, абрикосов. (Прим. автора).

⁸⁵ Бенедиктинцы – католический монашеский орден по уставу св. Бенедикта Нурсийского (V ст.); бенедиктинцы оказали большие услуги католической церкви при обращении в христианство как европейских народов, так и туземцев Нового Света. Святой Бенедикт (480—543) основал монастырь на Монте-Кассино при Неаполе; создал строгий монашеский устав.

⁸⁶ Капуцины – католические монахи, отделившиеся от францисканцев и составившие особый орден; в 1525 г. получили свое название от откидного остроконечного головного покрывала, составляющего одно целое с воротником. Женский орден капуцинок, придерживающийся одних с ними правил, был основан в 1538 г.

⁸⁷ Иезуиты – 27 сентября 1540 г. буллой «Regimini militantis ecclesie» («Церковь военного правления») папа римский Павел III учредил монашеский орден под названием «Общество Иисуса». За всю историю человечества не было да и, пожалуй, никогда не будет более могущественной религиозной организации. Иезуиты вызывали удивление всего мира, ибо по влиянию, богатству и власти

и другие ревнители веры были уж такими великими моралистами. Отнюдь, просто пьяный – плохой работник, а сие невыгодно. Вентуро слышал от матери, что рожковое дерево, из стручков которого дикари изготавливали пьянящий напиток, вскоре по прибытии святых отцов их стараниями исчезло, и краснокожим приходилось довольствоваться одним матй⁸⁸ или кактусовым тулапбем⁸⁹.

И хотя сейчас капрал сожалел о некогда покинутом насиженном гнезде, в глубине души он не мог не признать, что запасы провизии, а именно столь любимое паствой Пескадеро мясо, выдавались далеко не в достаточном количестве. Сами они, что греха таить, частенько недосчитывались голов скота, по словам краснокожих, «убитого лесным злым духом». Но как бы там ни плелись узоры монашеского петбте⁹⁰, а каждый сопляк в миссии крепко держал подо лбом, что количество выдаваемых продуктов, инвентаря и прочих необходимых в хозяйстве вещей всегда зависело от усердия в молитве, а главное – от обработки и пбхоты «собственности Господней». Лошадник и козопас Тамандаре, жену которого украли дикие индейцы с отрогов Сан-Бенито, как-то перчено заметил по сему поводу: «Во времена Святого Пав-

они оставили далеко позади все остальные организации подобного рода. (прим. автора).

⁸⁸ Мате – разновидность чая. (Прим. автора).

⁸⁹ Тулапай – мексиканская водка. (Прим. автора).

⁹⁰ Петате – плетеная из тростника либо лиановых волокон циновка, ковер. (Прим. автора).

ла вера усваивалась слухом, а наши кабоккло⁹¹ усваивают ее животом».

Если уж что и выдавалось щедрее, так это горьковатый чай-мате, а вот потребление соли было весьма скудным. Получали ее повсеместно лишь по большим праздникам и богоугодным торжествам в виде награды особо отличившиеся. Своих запасов соли, хоть тресни, не было, а стоила она звонкую монету. Что говорить, если вместо нее жители сертана⁹² вынуждены были добавлять в пищу золу некоторых деревьев, свойства которой знали еще их далекие предки.

Вентуро бережно затушил о скошенный каблук жирный окурок дорогой сигары и спрятал его в нагрудный карман до другой okazji. Воспоминания о далекой родной стороне согревали его охваченную тревогой грудь.

Сейчас даже воскресные дни, которые монахи намеренно превращали в наискучнейшее время, чтобы самый каторжный труд казался более привлекательным, нежели отдых, виделись ему райским Эдемом. «Да, как всё же странно устроена жизнь, – капрал грустно усмехнулся, разглядывая тускло мерцающую шпору на сапоге. – Ведь было время, когда я помирал в тоске от бесконечной череды унылых дней, от тошнотворных улыбок благочестия, наставлений святости под непрерывное бормотанье отца Амадора, звон колокола и напевную молитву его ослов в сутанах, но вот теперь... – Вен-

⁹¹ Кабоккло – бедняк.

⁹² Сертан – пограничье, дикая земля.

туро обреченно вздохнул, раздавив в ладони назойливого москита.— А всё же, один дьявол, ни что на земле не походит друг на друга, как один монах на другого... Все они перестали быть мужчинами или женщинами... Все они, как грядки на одном поле, да и принадлежат к среднему роду. В наших краях уж сколько сменилось их? А я никогда не мог заметить, какая грань между старым и новым... Попробуй, сыщи разницу одной блохи от другой».

Внезапно лошади точно взбесились: захрапели, испуганно шарахнулись ближе к людям. Капрал вздрогнул от неожиданности, подумав поначалу, что у кустов, где были привязаны кони, объявился щитомордник или туда залетела бесшумная стая нетопырей⁹³, любивших наведываться в стойла или загоны для скота. Но нет, ничего подобного обнаружить не удалось, однако животные продолжали взбрыкивать, выворачивать карие яблоки глаз.

Вентуро охватил цепкий страх. Он торопливо глянул на лейтенанта. Тот — весь внимание — молча и настороженно вглядывался в немую темень. Ни шороха. Мексиканцу мучительно захотелось крикнуть во весь голос, чтобы спастись от гнетущей тишины...

— Тс-с! — Сальварес бесшумно взвел украшенный сложной вязью курок, и тут же услышал задыхающийся приглушен-

⁹³ Нетопырь (*Vespertilio*) — род гладконосых летучих мышей, среди которых встречаются виды вампиров. Этот вид летучий мышей широко распространен как в Европе, так и в Америке.

ный сип:

– Что это, команданте? Зачем мы здесь? Господи, что там такое?

– Пока не знаю, но готовься к худшему.

* * *

Лошади вновь захрапели, дергая черным бархатом раздутых ноздрей. По лоснящимся крупам пробегала мелкая частая дрожь, с ощеренных пастей срывалась пена. Что-то явно пугало их, но что?.. Капрал последовал примеру лейтенанта, сухо клацнув курком кавалерийского штуцера, ощутив при этом, как взмокли его подмышки. Он мельком глянул на небо: оно было темным, как жерло подземной реки, а висевшая спелой оранжевой тыквой над ними луна почернела.

– Силы Небесные! Дьяволова нога, – Вентуро дернул оцепневшим плечом, когда услышал далекий, зовущий в потусторонние пределы леденящий кровь звук рога.

– Это... ОН, ваша светлость... О Madre Dios! Всемогущий Господь да изгонит тебя обратно в ад! – капрал подавился рвотной массой ругательств и молитвенных строк, хлынувших из его пересохшей глотки.

Они скорее почуяли, чем узрели, как из-за дальних камней, где таяла в темноте черная зелень кустов, в мертвенном лунном блике скользнула тень, за ней другая, третья... Вентуро забыл про ружье, бросился ничком на землю; язык отнялся, шею окольцевал могильный холод.

– Хватит целовать землю. Останешься здесь,— тихо, но твердо послышался голос де Аргуэлло.— Жди меня до утра и сбереги лошадей. Вы поняли приказ, капрал?

Мексиканец в испуге тараторил на дону Сальвареса, отказываясь понимать его действия, не в состоянии даже кивнуть головой. Загребая мысами сапог траву, он насилу поднялся и на негнущихся ногах проводил командира до лошадей.

– Господь пастырь мой, он безумец! – хрипло слетело с посеревших губ, когда стройная широкоплечая фигура драгуна растворилась в черном пологе ночи.

Вентуро беспомощно метнулся к лошадям, затем к оставленному штуцеру, дважды наступив на свою шляпу. Его сердце и мозг впервые в полную силу почувствовали горький бездомный страх. «Зачем мы здесь, зачем?!»

Сжимая в сырых пальцах ружье, пригибаясь к земле, он диковато оглядывался.

Рассыпанные кругом валуны и камни напоминали в лунном свете обломки обомшелых руин; вокруг царила магическая, какая-то особенная непроницаемая тишь. Ему вдруг вспомнились все седые легенды, слышанные еще в подоле матери, о Черных Ангелах, о Vasero, о Синих и Красных духах гор, которые обманчивым эхом заманивают сбившихся с тропы, а затем высасывают кровь из несчастных жертв... «Эти тайные призраки распознают мир по-своему: в солнце им приметны наши движущиеся тени, а при луне, когда кры-

ля ночи обнимают уснувший мир, они могут читать черную тайнопись природы, нам неве-домую».

Вспыхнули молнией в памяти слова индейской знахарки из Лос-Аламоса. Старуха уже давно не жила со своим племенем, разговаривая лишь со змеями, духами и занимаясь ворожбой на белой траве в одинокой хижине:

– Теплую кровь они чувят всё время, чувят с жадной и мстительной злобой. Есть ведь, сынок, и иное чутьё, помимо обоняния, слуха и зрения. Вы, белые, и мы, люди красной кожи, только чуем, что они где-то рядом... Они же нас ощущают много острее...

От этих мыслей хотелось немедля вскочить в седло и, невзирая на ночь и опасность, гнать скакуна прочь, туда, где страх темноты и одиночества могли скрасить тёплый свет масляного фонаря и простая, понятная человеческая речь.

Но Вентуро лишь наложил на себя крест и, хотя его желудок сжимался от страха, принялся терпеливо ждать рассвета.

Глава 3

– Помоги себе сам...

– ...и Бог поможет тебе, – Сальварес, напряженно глядя, ваясь в клубящуюся сынь ночи, закончил слова условленного пароля.

– *Omnia in majorem Dei gloriam*⁹⁴, – послышалась суровая в своей лаконичности древняя латынь. Из расплывчатой мглы возникли черные тени, надвинулись и прояснились.

Де Аргуэлло, ощущая внутреннюю дрожь, невольно отступил на шаг. Перед ним возникли четыре высокие фигуры в черных рясах. Высокие клобуки были глубоко надвинуты на брови, скрывая лица. Двое стояли у редкозубого венца тысячелетней твердыни, двое медленно приближались с зажженными факелами в руках. Запавшие их глазницы мерцали острыми, как сталь, взглядами, на сединах играли алые блики огня, на поясе каждого в ножнах позвякивало оружие.

Не доходя двух или трех футов, они остановились, царапая его холодом своих глаз.

– Ты один, сын мой? – глухо, как брошенный ком земли в могилу, сказал один из них.

– Да, патер. Со мной лишь капрал, но он остался там...

– Мы знаем это. Как знаем и то, что ты ослушался голоса

⁹⁴ *Omnia in majorem Dei gloriam* – «Всё для большего прославления Божьего», – девиз иезуитов. (Прим. автора).

своих наставников... Поэтому не удивляйся, когда ты найдешь только труп своего слуги.

– Но зачем? Какой смысл убивать его? Он всё равно ничего не знает! – в сердце драгуна впился острый шип беспокойства.

– Он уже знает дорогу сюда.

– Нет-нет! – взгляд офицера, точно не веря, заметался по молчаливым лицам. – Не кажется ли вам, что всё это заходит слишком далеко. Да, я получил хороший урок. Получит и он. Вентуро больше никогда сюда не вернется, патер, клянусь честью...

Стоящий впереди монах мрачно улыбнулся, лицо его сложилось в сухие пергаментные складки.

– Это верно подмечено. Сюда он никогда не вернется. Потому что никуда не уйдет отсюда.

Сальварес не ответил, глаза его остекленели, внутри расплылось обжигающее холодом пятно.

– Видишь ли, брат мой, люди слишком хитры, злы и жестоки. Непосвященные не заслуживают жизни и Божьей благодати. Наши действия – это голос Ордена. Помни: мы, иезуиты, безгрешны, сын мой.

– Значит не все... Падре, не делайте этого...

– Ты разочаровываешь нас, сын мой. Слишком много слов. Всё на земле творится ради правды Иисуса. Наш генерал не дает другого ответа своим солдатам. Следуй за нами, тебя ждет посол из Мехико.

Пламя факелов закачалось, сухая земля мертво захрустела под ногами святых отцов.

* * *

Когда-то в детстве Сальваресу вместе со старшим братом Луисом нравилось бывать в подземных пещерах, коих с незапамятных времен было много в предместьях асьенды Эль Санто. Вместе со стариком-прозелитом⁹⁵ из племени модокв Пять-Стрел-На-Спине-Облака, прекрасно знавшим эти места, они ловили там слепых рыб и бесцветных речных крабов.

Бывало, братья целыми днями бродили вдоль путаных рисунков течений подземных рек. Часто берег того или иного ручья становился узким, в две или три взрослых ладони, напоминая скорее каменный карниз, чем привычную тропу. Порою приходилось пробираться и ползком, на животе, по тесному туннелю из порфира⁹⁶, гнейса⁹⁷ или базальта⁹⁸. Ин-

⁹⁵ Прозелит – новообращенный в какую-либо веру (а также вновь приставший к какой-либо партии). (Прим. автора).

⁹⁶ Порфир – группа изверженных кристаллических пород, в состав которых входят главным образом так называемые полевошпатовые минералы, а также вкрапления кварца и часто слюды; порфир хорошо полируется и идет на колонны, каменные сосуды, чаши и монументы. (Прим. автора).

⁹⁷ Гнейс – горная порода, по составу сходная с гранитом, но слоистого строения; покрывает огромные пространства на земле, образуя целые горные хребты; гнейс образовался в древнейшие геологические эпохи и имеет массу разновидностей. (Прим. автора).

⁹⁸ Базальт – плотная стеклообразная вулканическая горная порода темно-го цвета, состоящая чаще из полевого шпата, авгита и магнитного железняка.

деец зажигал смоляной факел из ветвей специально отобранных деревьев, и багровое, как спелый гранат, пламя дрожало и отражалось в сверкающих, гулких кварцевых сводах и в мирно журчащих хрустальных водах подземного потока. Склоняясь над черной прозрачной водой, они подолгу, с любопытством юности наблюдали за лениво плавающими в ней бледными рыбами и другой живностью, затем шли дальше или с замороженными сердцами слушали индейские истории и легенды, на которые был богат и в часы откровения не скупился Пять-Стрел-На-Спине-Облака.

Старик давно умер и по христианскому обычаю был предан земле, но Сальварес до чеканной ясности помнил его длинные, чуть не до колен, белые, как снег, волосы, выгоревший ситцевый платок с серебряной шейной пряжкой, который сбегал голубыми струями по его грязно-коричневой, изрезанной глубокими морщинами шее. Запомнил он еще и взгляд старика, какой-то особенный, сильный необъяснимой печалью, смотревший перед собой в невидимую точку.

Да, Пять-Стрел-На-Спине-Облака многому научил братьев, щедро открыл им многие премудрости подземного мира, но сейчас, следуя за немытыми спинами монахов, углубляясь всё далее в темные и сырые своды незнакомой пещеры, которая, казалось, не имела конца, ему стало не по себе.

– Долго еще, большая она? – Сальварес цепко вглядывался в густой фиолетовый сумрак пещеры, сменившийся мра-

ком подземного лабиринта.

– До конца еще никто не доходил,– последовал сухой и куцый ответ брата Мансано.

Узкая тропа сделала очередной поворот, образуя густую дельту многочисленных ответвлений, но монахи уверенно продолжали свой путь, выбрав из них нужное. Казалось, иезуиты могли бы обойтись и без света – столь хорошо знали они каждый поворот подземного пути. Летучие мыши с пронзительным писком сорвались с насиженных гнезд и хлынули в темноту, испуганные огнем и появлением людей.

Сальваресу стало не по себе, когда он вдруг ощутил на своем лице влажный холод бегущих к шее пальцев и тихий, как шелест опавших листьев, голос одного из своих провожатых:

– Теперь уж скоро. Здесь поверни налево, следуй за братом Эстеро. Но будь осторожен, ступени крутые.

Сын губернатора Монтерея беспрекословно подчинился. С первого же шага он опустил в грот по колено и, цепко придерживаясь рукой за шершавую стену, скрылся внизу.

– Не бойся, смелее,– фыркающее пламя смолянистого факела высветило грубо вырубленные в камне ступени, а чуть позже озарило высокую стену, отражаясь в бесчисленных изломах кварцевой породы. Зияющая пустота дохнула подземной сыростью и плотным запахом плесени.

Спустя примерно сотню-полторы коротких шагов ход процессии прервался такой же крутой, без перил лестницей.

Поднявшись по ней и проследовав за Мансано в узкий скальный проем, Сальварес вновь изумился, ощутив игольчатое покалывание меж лопаток.

В просторной открывшейся взору пещере, украшенной старыми гобеленами и ткаными шпалерами⁹⁹, за грубо сколоченным столом восседал незнакомый ему человек в бурой рясе под белой мантией, какие носили обычно босоногие карамелиты¹⁰⁰. Сухие пальцы, боле похожие на когтистые лапы вурона или коршуна, монотонно перебирали крупные зерна четок. Четыре оливковых светильника горели в медных плебейских треногах по обе стороны незнакомца, пятнисто высвечивая его волевое лицо.

Глядя на всю эту суровую, почти аскетическую обстановку, Сальварес невольно вспомнил лоснящуюся золотом роскошь храмов Мехико, Дуранго, Леона... густой бой часов на соборных башнях, величавый звон испанских колоколов и пестрые толпы паствы. А каких родов Христова воинства там только не было! Красные мантии кардиналов и фиолетовые епископские цвета, черные рясы и крахмальные белые воротнички, усы и бороды, сверкающие кресты и ордена, не хватало, пожалуй, лишь красной камауры¹⁰¹ самого святей-

⁹⁹ Шпалеры (нем. spalier < ит.) – 1) то же, что и гобелены; 2) ряды войск по сторонам пути следования лица, которому оказывается воинский почет; 3) ряды подстриженных кустарников или деревьев по бокам до-рожки. (Прим. автора).

¹⁰⁰ Карамелиты – один из многочисленных католических орденов. (Прим. автора).

¹⁰¹ Камаэра – бархатная шапка-камилавка папы.

шего папы.

– Скорее уважь вниманием посла Монтуа, брат! — слышалось сзади злобное шипение, в спину толкнул чей-то костистый кулак.

Однако Сальварес не шелохнулся: замерев, он прислушивался к гулким и частым ударам сердца, и только будто собирався произнести обычное воинское приветствие, заведенное в братстве Иисуса.

– Смелее, сын мой. Здесь не каморра¹⁰². Я прибыл издалека по приказу нашего генерала, его высокопреосвященства Монтуа, — густая, чуть с проседью борода вейдора¹⁰³, а быть может, датария¹⁰⁴ «черного папы»¹⁰⁵ — де Аргуэлло не знал — покровительственно качнулась, темный агат глаз затлел особым доверительным вниманием. — *Non multa, sed multum*¹⁰⁶ подсказывает и раскрывает нам глаза на истину. Я вижу, те-

¹⁰² Каморра — тайное общество в Южной Италии, члены которого, воры и разбойники, принадлежат ко всем классам общества и поддерживают друг друга, прибегая даже к отравлению и убийствам, особенно по отношению к изменникам. Судебные и полицейские власти нередко обнаруживают перед каморрой такой же страх, как перед сицилийской мафией.

¹⁰³ Вейдор — инспектор испанской короны, наблюдавший за порядком и деятельностью наместников и других должностных лиц в Новом Свете. (Прим. автора).

¹⁰⁴ Датбрий — прелат, докладчик папской канцелярии.

¹⁰⁵ «Черный папа» — одно из многочисленных прозвищ генералов Общества Иисуса. (Прим. автора).

¹⁰⁶ *Non multa, sed multum* — «не много, но многое» (лат.), т. е. в немногих словах бывает много сказано. (Прим. автора).

бя смущает мой наряд?

Птичьи пальцы неспешно отложили четки на стол и, дернув шнурки, сбросили одежду карамелита, под коей скрывался траурный цвет сутаны солдат Иисуса.

– Давай же познакомимся, сын мой. Отныне я для тебя отец Мараффи. Тебя мне представлять не стоит: слава и дела твои летят впереди.

Сальварес, польщенный словами посланника, быстро подошел к нему и, низко склоняясь к его правому колену, взволнованно приложился к зеленому кабошону на морщинистой руке.

– Скажи, друг мой, что мадридский гонец?

– Он мертв, падре, – с готовностью откликнулся де Аргуэлло.

– Хвала Всевышнему! *Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur*¹⁰⁷. Так должно было случиться, так случилось. Я рад слышать это из твоих уст. Наш генерал будет доволен. Что для других грех – у нас, братья, достижение цели. Забудьте сомненья во славу Христа – это всего лишь набор предрассудков, приобретенных в желторотом отрочестве. Не стоит слушать голоса и тех, кто вознамерился усовершенствовать человека... В конце концов они превратят его в обезьяну. Глупо, братья, брать в руки резец, когда о сем уже позаботился Создатель. Наши недруги фран-

дисканцы, капуцины, трапписты, доминиканцы, их примасы – имя им легион – пытаются переустроить мир и грешную суть человека... Но зачем? Монтуа прав, тысячу раз прав, когда говорит нам: «Пусть люди, объевшись глупости, зависти, чванства, остаются такими, как есть. Пусть думают во грехе, что они правят сами – и ими можно будет управлять». Каждая провинция уверена, что ось Земли проходит именно через центр ее захолустья. Ты, сын мой, наверняка считаешь именно так, что ваш Монтерей – центр Вселенной? Не обижайся,—отец Мараффи подался назад, скрывая в тени правую половину лица, которую обезобразивало огромное пурпурно-фиолетовое родимое пятно, начинающееся от морщин нижнего века и доходящее до скорбной узги рта. Оно походило на карту неизведанной страны с изрезанными, как морское побережье, контурами границ. На эту сторону было неприятно смотреть, особенно по контрасту с чистым левым про-филем.

Сальварес промолчал на вопрос прелата, тот лишь снисходительно потрепал его по щеке, одобряя всем своим видом сдержанность и выдержку своего послушника.

– Садись, сын мой.— Рука с загадочно мерцающим перстнем указала на длинную скамью, стоящую вдоль голой стены, при этом на какое-то едва уловимое мгновение авгурова¹⁰⁸

108 Авгуры – члены римской жреческой коллегии, занимавшиеся ауспицией (предсказанием будущего) по крику и полету птиц. Говорят, что при встрече друг с другом сами авгуры едва удерживались от смеха, вспоминая об одураченных ими людях. (Прим. автора).

улыбка тронула дотоле безжизненно сомкнутые губы падре Мараффи.— Садитесь и вы, братья, обсудим наши дела и поведем черту.

Отец Эстеро и отец Мансано вместе с двумя другими монахами, имен которых де Аргуэлло не знал, с благодарностью приняли предложение посланника своего генерала.

Когда все чинно расположились на широкой скамье, датарий из Мехико, похожий скорее на опытного ветерана-конкистадора нежели на смиренного священника, воздел правую руку с крестом:

– Итак, братья, друзья и соратники в исканиях духовных, да пребудет правда на наших устах, и в душах наших, и в сердцах. Доброго воскресения всем вам! Все вместе мы странствуем в сем мире во имя высшей мечты, величайшей из всех... Да, мы оторваны на этой земле от всего Старого Света, как некогда древние сыны Израилевы во исполнение помысла Господня!.. И для того чтобы мы действительно смогли построить Новый Иерусалим – наш город на Холме здесь, в Новой Испании, – мы должны прислушаться друг к другу. Великая сила любви, о да, сила Его божественной любви должна слить воедино сердца наши, испанцев и краснокожих... Работников и господ, свободных и рабов, чтобы весь мир брал с нас пример, и дивился нам, и провозглашал. Провозглашал здесь Царствие истинного Благочестия, здесь воплощение слова и духа Господнего... Но мы не достойны ниспосланного нам испытания, мы не выдерживаем это ве-

ликое доверие... А почему, ответьте мне? Потому, что мы желаем более того, мы алчем то, что не дано нам! Кто-то жаждет богатства, кто-то власти, кто-то славы и прибыли или мести! Должен ли я здесь сказать о тайне каждого из сердец, братья? – глаза отца Мараффи вспыхнули фанатичным огнем, крест взлетел выше, голос задрожал от близких горячих слез.—Я скажу, если хотите... Я открою сердца ваши перед очами Господа... Вспомним, что говорил наш Учитель из Назарета: «Всё то, что вы алчете,— враг мой! Ибо только обо мне должны быть помыслы ваши. И коли преступаете вы заповеди мои, то и падет кара моя на вас, аки камень тяжкий! И сечет вас меч, поднятый вашей же рукой, и сгинете вы безвестно, и унесет неумолимая река времени саму память у вас...»

Да, нам трудно как никогда! Там, за этими стенами, я чувствую дикость, необузданные страсти и дьявольский промысел! Люди, живущие там, не ведают даже краткого писания конца света и Страшного суда, а те, кто крещен и исповедует веру Христову, погрязли в грехе порока. Ими забыты заповеди сына Божьего. Они давно ступили на скользкий путь лукавого...

Прелат неожиданно смолк, прервав свою вдохновенную, страстную проповедь. Его остановившийся взгляд казалось, ничего не выражал, но Сальварес, да и другие монахи как-ким-то шестым чувством ощущали великое волнение отца Мараффи, которое невольно передалось им самим.

– Братья мои, – голос посланника медленно вновь набирал крепь. – Генеральному настоятелю Общества Иисуса было угодно в бесконечной милости обратить взоры на вас, ничтожных, удостоив своего внимания и благословления. Судьба была настолько милостива к нам, его верным солдатам, что указала и его святейшеству¹⁰⁹ на каждодневные и

¹⁰⁹ Когда после Французской революции наступила Реставрация и в Европе начал хозяйничать «Священный Союз», Орден иезуитов вновь воскресает из небытия. В 1814 г. (о котором повествует роман) папа Пий VII восстанавливает Общество Иисуса, которое насчитывало к тому времени всего лишь 600 членов; однако оно начинает стремительно расти: в 1844 г. иезуитов становится уже более 4 тысяч, а к 1874 г. около 10 тысяч человек. Этот «нищенствующий» Орден и ныне располагает огромными богатствами, поддерживая тесные связи с финансовым капиталом, банками, крупнейшими монополиями. Будучи самым богатым и самым многочисленным орденом католической церкви, Общество Иисуса играет сейчас ведущую роль, держит в своих руках ряд ключевых позиций. На сегодняшний день их насчитывается около 100 тысяч более чем в 80 странах мира (больше всего в США – свыше 20 тысяч, в Испании, Италии и Индии — по 700, далее следуют Португалия, Франция, Бразилия, Мексика, Китай и т. д.). Орден иезуитов продолжает активно действовать и в наши дни. Он не отказался от своей миссии спасения церкви от ее врагов, но теперь видит своего врага не столько в протестантизме и православии, сколько в нехристианских религиях, таких, как мусульманство, буддизм и, конечно, в атеизме. Иезуиты считали и считают себя «солдатами папы», а свой Орден – орудием церкви. Их деятельность, как и прежде, далеко не ограничивается чисто церковными интересами. Любой идеологический «крестовый поход» против неудобных Ватикану не обходится без крепкого вмешательства братства Иисуса, потому как именно иезуиты располагают огромными возможностями для такого рода деятельности. Они держат в своих руках целую сеть католических учебных заведений, которые используют для распространения влияния Ордена. Следует добавить, что количество этих учебных заведений и соответственно число учащихся в них растет: за период с 1965 г. по 1974 г. число учащихся в учебных заведениях Ордена возросло

неустаннне заботы нашего общества об обращении подданных его величества короля Кастилии, Леона и Арагона Фердинанда, краснокожих язычников в должное им состояние. Да, наши места не удостоились внимания апостола Фомы¹¹⁰, а жаль... Что ж, тем более почетна наша миссия, братья...

Отец Эстеро беспокожно ёрзнул на скамье, испытывая радостное смущение от этих высоких слов, но затих под укоризненным взглядом посланника, который, заложив руки за спину, величаво мерил шагом пещеру.

– Его величество король своим высочайшим декретом поддержал буллу¹¹¹ его святейшества Пия VII и установил, что, во-первых, апостолическим миссионерам нашего Орде-

более чем на 200 тысяч. В настоящее время иезуиты владеют во многих странах более чем 10 тысячами школ, многими колледжами, учительскими семинариями, более чем 80 университетами. Только в США 15 иезуитских университетов, крупнейший из них – Фордхемский университет. Одним из старейших учебных заведений Ордена является папский Григорианский университет в Риме, готовящий кадры преподавателей для католических учебных заведений. Сейчас в нем обучаются около двух тысяч человек из многих стран мира. Среди выпускников сего заведения – папа Пий XII и Павел VI, сотни кардиналов и епископов. Число иезуитов, занятых в апостолате образования, составляет свыше 12 тысяч человек. (Прим. автора).

¹¹⁰ Согласно установившейся католической доктрине, в стародавние времена Южную Америку посетил апостол Фома, где он крестил индейцев, которые впоследствии, «по свойственным им порокам и невежеству», снова впали в язычество. Отсюда и задача у отцов-провинциалов (т. е. иезуитских начальников, которым вверены определенные территории) в Южной Америке была не крестить, а «обратить, возвратить язычников в лоно христианской церкви». (Прим. автора).

¹¹¹ Булла – папская грамота, касающаяся важных вопросов веры. Обычно именуется по первым словам, с которых начинается. (Прим. автора).

на дано преимущественное, по сравнению с представителями иных монашеских орденов, право на организацию христианских поселений в обеих Америках; во-вторых, прошу внимания, los padres¹¹², что на членов Общества Иисуса, как и в прежние добрые времена, не распространяется власть светских колониальных властей и даже самого вице-короля герцога Кальехи; в-третьих, нам предоставлено право отчуждения продуктов с земель, обрабатываемых прозелитами, и продуктов их промыслов. Но не торопитесь петь аллилуйю, братья, добра без зла не бывает. Его величество поставил неизменными два условия, а именно: как только будут созданы новые миссии и редукции¹¹³ и земли их приведены в надлежащее состояние, мы обязаны будем выплачивать королевской казне ежегодно по одному пиастру¹¹⁴ с каждой индейской головы в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет. Численность населения, – авгурова улыбка вновь искривила бледные губы датария, – определять, разумеется, будем мы сами. И второе: дикари должны быть в обязательном порядке обучены испанскому языку, если эти бестии,

¹¹² Los padres – падре, отцы (исп.).

¹¹³ Редукция – место проживания монахов и новообращенных аборигенов. Редукции, как и миссии, представляли собой оборонительные сооружения, весьма похожие на американские форты или русские редуты – крепости.

¹¹⁴ Пиастр – то же самое, что и пезета; испанская серебряная монета, равная 37 1/2 коп. в царствование Александра I; пезо (песо) – монетная единица в республиках Южной и Центральной Америки, равная 1 руб. 87 1/2 коп. (Прим. автора).

конечно,— отец Мараффи вновь подавил змеиную усмешку,— проявят должные на то способности. Впрочем, что касается сих требований, мне необходимо вернуться в Мехико и получить дополнительные инструкции преподобного Монтуа. Наш генерал не любит спешки. *Dei gratia, los padres, dei gratia*¹¹⁵.

— *Fiat volunta tua!*¹¹⁶ — падре Мансано не смог удержаться от восторженного восклицания.— Это перст Божий, братья! Это виктория! Победа! Теперь пусть трепещут противники и завистники Ордена. Мы получили все преимущества, которые можно было получить! О, благодарим Тебя, Всемогущий, Ты услышал нашу скорбь и наши молитвы!

Сальварес подавил внутреннюю усмешку, уж он-то знал: случившееся не обошлось без вице-короля, который, как и его духовник Монтуа, состоял в братстве Иисуса. «Но если здраво подумать,— рассуждал де Аргуэлло,— всё случилось по справедливости».

Редукции, миссии, основанные францисканцами, доминиканцами, бенедиктинцами, монахами других орденов и белым духовенством, разваливались в Новой Испании как карточные домики, как выстроенные замки из песка... Обращенные дикари разбегались по лесам, уходили в горы и пустыни, отлучись от них пастырь хоть ненадолго. Церк-ви и

¹¹⁵ *Dei gratia, los padres, dei gratia* — Божьей милостью, отцы, Божьей милостью (лат., исп.). (Прим. автора).

¹¹⁶ *Fiat volunta tua!* — Да будет воля твоя! (лат.).

часовни, выстроенные руками прозелитов, пропадали в море буйной растительности, бьющей в этой стране как из рога изобилия, стоило только наставникам переключиться на другое место в поисках новых «заблудших душ». И лишь поселения иезуитов – тайно, под маской других орденов хранивших верность данной присяге, – продолжали стоять, по словам их приверженцев, «словно камни Христовы среди селений неверных язычников, как оазисы в пустыне на пути утомленного, обезверившегося путника»¹¹⁷.

Стоит, впрочем, заметить, что пилигримов¹¹⁸ в этих «оазисах» не очень-то жаловали – в своих сокровенных таинствах отцы-иезуиты предпочитали обходиться без лишних свидетелей.

И если к сказанному добавить, что казначейство обязывалось ежегодно к выдаче весьма приличной суммы в качестве вспомоществования Ордену в его начинаниях, о чем падре Мараффи из соображений высшего порядка покуда не считал нужным поделиться со своими советчиками, то виктория была действительно полной.

– Наш высший начальник, генеральный настоятель, шлет нам по этому поводу свое благословение, братья, и к сему прилагает ряд инструкций, – тихим голосом продолжил посланник. – Но прежде возблагодарим Господа нашего Иисуса

¹¹⁷ Бончовский И. Отцы-иезуиты. – М.: 1975.

¹¹⁸ Пилигрим (от нем. *pilgrim* < лат. *peregrinus* чужеземный) – странствующий богомолец, паломник; странник, путник.

Христа, нашу заступницу пречистую деву Марию и нашего святого покровителя – Игнатия. Воздадим же хвалу им за то, что они столь мудро направляют провидение, дарующее нашему Обществу покровительство свое. Помолимся же, братья, дабы Создатель и впредь способствовал и благоволил нам.

Некое время отец Мараффи оставался коленопреклоненным, как и другие. Губы его беззвучно шептали благодарственную молитву, взор с поволокой был затуманен, на лице проступили алые пятна. Четверть часа спустя он встал, усталым взглядом обвел собравшихся:

– Братья, а теперь приготовьтесь с покорностью и смирением выслушать приказ генерала, ибо он касается каждого из вас и ведет к вящей славе Божьей и нашего великого Ордена.

Посланник потер указательным пальцем родимое пятно, неторопливым движением развернул письмо и начал читать:

– «Довожу до вашего сведения, что для исполнения обязанностей нашего Общества перед Всевышним, которые оно имеет в Новой Испании, и в связи с декретом его святейшества в Ватикане папы Пия VII я принял следующее решение, кое можете рассматривать как мой приказ. Первое – общее руководство по организации миссий среди язычников-дикарей возлагаю на вас, отец Мансано. Миссии впредь именовать, как сие делали наши предшественники, редукциями, то есть местами поселения для обращенных в христианство

индейцев. Второе – отцу Эстеро принять непосредственное руководство по организации миссий в Верхней Калифорнии, одновременно назначаю его великим отцом всех тамошних редукций с непосредственным подчинением падре Мараффи. В качестве его первого советника и отца-военачальника назначаю верного сына моего по вере и священному братству дона Сальвареса. Третье – на приспешников ваших и на вас самих возлагаю обязанности обследовать уже существующие миссии других монашеских орденов и составить их подробное описание. Все материалы представлять лично мне либо отцу Мараффи в монастырь Торреона¹¹⁹. Во имя Отца, Сына и Духа Святого. Дано в лето 14 года... Мехико».

Железистый голос патера Мараффи уже давно перестал звучать под мрачными сводами пещеры, а отцы-советчики продолжали стоять у длинной скамьи, в почтении склонив головы, – черные, молчаливые, покорные. Экзерциции спиритублиа¹²⁰ святого Игнатия выбили и из них, принадлежавших к высшей кастовой верхушке Общества Иисуса, способность обсуждать приказ старшего.

– Вы свободны, los padres, ступайте и думайте, как лучше исполнить приказ генерала. Ликуйте и донесите верным солдатам своим радость великого дня. Отныне нам не придет-

¹¹⁹ Торреон – крупный город в Центральной Мексике.

¹²⁰ Экзерциции спиритуалиа – духовные упражнения. Руководством к «Духовным упражнениям» иезуитов служит книга того же названия, написанная самим Лойолой. В 1548 г. папа Павел III утвердил её особой буллой. (Прим. автора).

ся рядиться в рясы других орденов и прятаться за чужими масками. Но будем помнить заповедь его святейшества отца Монтуа: «Глупые никогда не прощают и не забывают; наивные прощают и забывают; мудрые прощают, но не забывают своих врагов». Да благословит вас Господь и каждого из вас. Амен.

Поклонившись, иезуиты молча направились к выходу, когда голос отца Мараффи заставил внутренне содрогнуться де Аргуэлло:

– А вас, сын мой, я попрошу остаться на исповедь. «Всему свое время, и время всякой вещи под Небом: время рождаться, и время умирать; ...время разбрасывать камни, и время собирать камни...»¹²¹

Глава 4

– In principio erat Verbum, a Verbum erat apud Deum, a Deus erat Verbum¹²². Ты, конечно, знаешь эти строки Откровения, сын мой. Присядь. Теперь ты первый советник и отец-военачальник нашего Ордена в этих местах. Доверие его преподобия к тебе, сын мой, велико, но помни... не безгранично. Ты сообщил нам радостную весть – гонец из Мадрида мертв, впрочем, сейчас это неважно. Майор де Уэльва с первого шага был патриотом проигранного дела. Этот кадисский выкормыш слишком высоко воспарил. А когда человек столь быстро взлетает, поневоле начинаешь думать: не заложил ли он душу дьяволу. Черная неблагодарность, мой друг, губит людей... Но перейдем к делу: у андалузца был пакет, который он пытался доставить в Монтерей твоему отцу. Не горячись, сын мой, твой отец всегда доказывал короне и церкви, что он мужественный, достойный человек, но...

– Что «но»? – черные глаза лейтенанта опалили отца Марраффи. Следуя взглядом по фиолетовым бухточкам и фиордам родимого пятна на монашеском лице, он встретился с глазами наставника и увидел в них глубокое, мучительное беспокойство, столь знакомое ему по собственному отражению в этих застывших зрачках. Однако сей проблеск души

122

«Вначале было слово, и слово было от Бога, и слово было Бог» (лат.). (Евангелие от Иоанна).

тут же исчез: иезуит опустил глаза, щелкнул «зерном» четок и ровно сказал:

– ...но и опасный враг. Не торопись, выслушай меня! – Черты лица посланника Монтуа смягчились. Всем своим видом он демонстрировал настрой на доверительный лад, что ему действительно важен и необходим разговор на равных, и значит ему, Сальваресу, первому советнику падре Мансано, следовало переломить в себе волнения за родного отца и ощутить себя ныне не солдатом короля, не сыном губернатора Монтерея, а верным и покорным слугой Ордена.

Взгляд Мараффи стал жестким, и Сальварес, похолодев душой, интуитивно понял: выход у него один – смирение, иначе его ждал конец капрала Вентуро, оставшегося сторожить лошадей.

– Падре, у меня нет грехов, в которых мне надо раскаиваться, – сорвалось с его побелевших губ. – Всегда и везде я следовал лишь приказу нашего генерала.

– Ты за нас или против? – взгляд настоятеля прикипел к лицу драгуна.

– Я за Новую Испанию...

– Мы тоже за нее, сын мой.

– Но почему вы тогда задаете мне такие вопросы? Разве доверие нашего пастора не доказывает мою верность вам? Разве этого хочет Иисус?

– Пути Господни неисповедимы.

– Откуда вы, падре, знаете мнение Бога?

– Я говорю лично от имени церкви, сын мой, коя является инструментом Господа на земле. Я советую тебе взять верх над темными заблуждениями и просветить свой разум. Открой сердце моим словам, и да пребудет с тобой защитница наша пречистая дева Мария. Так знай: расчет андалузца и тех, кто послал его, был безупречен. Слава Христу, что Небо не допустило свершиться задуманному. Ты знаешь, сын мой, враг в лице русских еретиков стоит у наших границ, а текст послания, что вез де Уэльва, призывал твоего отца протянуть руку помощи русским, сложить оружие пред врагом и дать возможность ему укрепиться на наших землях!

– Но это измена! – лицо Сальвареса исказила судорога.

– Именно! Но тише, тише... «Лучший способ развлечь человека, – глаголит мудрость, – это выслушать его...»

– Я вас как будто уже довольно развлек, уважаемый падре.

– Вот видишь, – настоятель, не сбивая ритма речи, по-ли-сьи растянул губы. – Дети никогда не слушали своих родителей, зато всегда исправно им подражали. Ты точно такой же, как твой отец, – вспыльчивый и упрямый. Кто знает, как бы поступил он, попади ему в руки этот пакет... Кстати, где он? Если сомневаешься – говори правду, – две сизые вены вопросительными знаками вспухли на лбу Мараффи.

Сальварес подозрительно помедлил с ответом. Действительность, казалось, настигла его и впилась холодной дробинкой. Готовясь держать ответ, де Аргуэлло почувствовал, как всё его существо неестественно застыло в мучительном ожи-

дании... На какую-то долю секунды он представил себя в маленькой келье в Монтерее, где он, обращаясь к заступничеству Христа, молил о ниспослании ему удачи в завтрашнем дне.

Сальварес судорожно сглотнул застрявший ком в горле. Тяжесть, дотоле сковывавшая его, начала отходить, почтительно и крепко зазвучал голос. Стоя против того места, где восседал отец Мараффи, он смотрел на золотое на-персное распятие на его груди, и это придавало ему новые силы, наполняло уверенностью.

– Считайте, что он у вас, преподобный. У меня есть верный человек, коий хранит эту бумагу в надежном месте.

– Это далеко? – хрипло, словно его горло и легкие боролись за жизнь, выдал настоятель.

– Изрядно, но мы солдаты священного Рима. Я доставлю вам его через шесть дней...

– Будь осторожен, сын мой. Ныне стало опасно в горах...

– После всего, что было, – Сальварес позволил себе усмехнуться в усы, – слово «опасность» уже не пугает. Орден учил не ощущать боль.

– И что, получается?

– Не очень, но сие меня не смущает, святой отец. Это мой долг и, полагаю, сказанное в моих устах не звучит грязно.

– Что ж, мне приятно слышать эти слова. Хотя и понимаю: быть хлебопашцем легко, особенно когда твоим плугом является перо, а сам ты находишься в тысяче лиг от ма-

исового поля. Но я верю в тебя. Самоуважение, заложенное внутри каждого человека Господом нашим, упорно заставляет идти к однажды намеченной цели. Ты справишься с возложенной на тебя миссией. Кстати, друг мой, тебе стоит отдохнуть, прежде чем ты отправишься в путь. Ты выглядишь очень усталым.

– Благодарю, падре.

– За что?

– За заботу, – Сальварес в должном почтении склонил голову. – Не проигрывает тот, кто играет в одиночку. Я — из таких, святой отец. Дождь не может идти вечно. Я счастлив вместе с вами: для братства начинаются солнечные дни.

Мараффи не улыбнулся, не кивнул головой. Он долго молчал, глядя в густую ночь глаз сына губернатора, и думал о чем-то своем.

– Будь начеку, брат мой, – после долгой паузы наконец сказал высокий гость, – и вникай в суть происходящего. О важности оного ты можешь судить по особой тайне, окружающей нашу встречу, не так ли?.. Да, мы доверяем тебе, иначе выбор Монтуа не пал бы на тебя. Ты обязан поклясться именем нашего святого покровителя – Игнатия – и тем, чему, быть может, поклоняешься в глубине души. Ты обязан поклясться и в том, что ни одно слово из нашей беседы не будет повторено за этими стенами ни брату, ни отцу... хотя бы и под пыткой. Ты сам знаешь, брат мой: трое могут сохранить тайну, если двое из них мертвы.

У Сальвареса ёкнуло сердце, но не от беспокойства за своих близких, а от того доверия, коим столь щедро наградил его ныне Орден. Он крепко держал в памяти свою первую встречу с солдатами тайного братства.

... Тогда тоже земля была в плотных объятиях ночи, так же трещали и фыркали факелы, а сухой и твердый, как кремь, голос из тьмы сказал:

– Ты один?

– Да, падре, – взволнованно прозвучал его ответ и потонул в торжестве тишины.

– Ты пришел искать утешение, сын наш? Ты всё обдумал? Обратного пути у тебя нет... Что ж, хорошо. Тогда оденьте ему на лицо это.

Из темноты медленно проявились угрюмые фигуры монахов, в руках у них была черная ряса и островерхий колпак с узкими прорезями для глаз.

Он что-то хотел тогда возразить, но тот же голос обжег слух:

– Надень или уходи прочь. Законы нашего братства запрещают знать имена и лица ищущих утешение. Уясни: у нас нет такого деяния, кое мы, солдаты Иисуса, не смогли бы понять и пред коим у нас опустились бы руки. Смерть – есть жизнь и спасение. И посему мы должны ожидать ее с великой жаждой и смирением... Следуй за мной, брат наш, тебе ниспослана милость его святейше-ства, преемника великих

отцов-основателей Лойолы и Диего Лайнеса¹²³. Ты будешь посвящен в тайны великих.

Теперь же Сальварес зрел лица, которые прежде были сокрыты от него глухой мешковиной. Догадывался он сейчас, кому принадлежал тот сухой и твердый, как кремень, голос... Такой же голос был у отца Мараффи, который ныне давал ему последние наставления.

– Да... тяжелые наступают времена, сын мой, радость омрачается печалью и горем. Потери Испании меня всегда приводили в уныние. А что сегодня наша страна? Неужели эти умники в Старом Свете не понимают, что Новая Испания обречена? Она уже и сейчас стоит на коленях отчаяния. Предатели и изменники – Боже, как много их! Увы, среди нас самих живет и зреет гораздо большее зло, чем на границах, в стане врага. Выслушай меня. Всё зависит от твоего доверия к моим словам. Бог убивает людей – так почему нельзя нам, тем, кто верит, что Свет да одолеет Тьму? Обернись и возсмотри, что окружает нас! Свальный грех, содомия¹²⁴ и кровосмешение... А это всё слуги Сатаны... Казимула! О, где праведный кипящий котел христианского гнева? Где, где охота на ведьм? Слава Небу, Ватикан услышал мольбы ис-

¹²³ Диего Лайнес – второй генерал Ордена иезуитов. (Прим. автора).

¹²⁴ Сodomия – содомский грех, скотоложество, половое сношение человека с животными – считалась преступным с древнейших времен. Содом – древний город в Палестине, в Иорданской долине, по преданию истребленный небесным огнем за разврат, вместе с Гоморрой, во времена Авраама; на месте уничтоженных городов открылось Мертвое море. (Прим. автора).

тых своих слуг и повелел произвести то, что следовало начать много прежде. Но теперь наш час! А в этих местах твой и брата Эстеро!

– Да, теперь мой час! – лицо Сальвареса посуровело и сразу сделалось хищным, похожим чертами на стальной абрис беркута. – Мне давно надоело торчать под половицей нынешних законов. Да, падре, скоро в нашей стране будет больше летучих мышей, чем птиц. Я и сам вижу, что ни мой отец в Монтерее, ни его высокопревосходительство Кальеха дель Рэй в Мехико – никто до самого смертного часа не осознает, что происходит сегодня. Нет, учитель, ныне грядет не просто завоевание, а с ним рождение новой империи... Ныне умирает испанская речь и те семена, что посеяны были нашими предками. Идет гибель ясных принципов, высоких чувств и воцарение тьмы и хаоса, откуда, спустя вечность, начнется исход новых богов и героев. Да, падре, да... Но от нас уже не останется ничего кроме развалин былого могущества.

– О, а ты, похоже, мечтаешь переворачивать страницы истории, сын мой?

– Нет, но сражаясь одними словами, победы не одержать.

– Что ты этим хочешь сказать? – голос Мараффи дрогнул от беспокойства.

– Только то, что у нас, в Калифорнии, кроме трех десятков ржавых пушек ничего нет! Мехико далеко, безумно далеко... А русские... Нет, pater, я не хочу пугать вас, – Сальварес, тяжело дыша, подошел к чадающей треноге и затушил

захиревший фитиль.— Я просто поделился своими недобрыми снами. Признаться, русских я остерегаюсь меньше, чем гринго. Первых так же мало, как и нас, вторые катятся с Севера словно великая варварская волна. Нам нужно суметь продержаться... Когда вспыхнет война с янки — а она придет, клянусь мечом Кортеса,— их удар будет ударом не растопыренных пальцев, а каменного кулака.

— *Omne simile claudet*¹²⁵,— родимое пятно Мараффи стало темным, как раздавленная каблуком переспевшая вишня.— *Opera et studio*¹²⁶, *amigo, opera et studio*. Другого пути у нас нет... Но всему свое время. Я понял тебя и передам твои слова Монтуа, будь покоен. А теперь скажи, нужны ли тебе деньги?

— Я просил денег не для себя, а для дела, падре...

— А я повторяю, сын мой,— отец Мараффи возвысил голос. Отблески пламени светильника дробились на камне стен, на соломенном петате, словно отблески ангельских крыл.— Я повторяю, нужны ли деньги именно тебе?

— Не скрою, нужны, но я предпочитаю их заработать.

— Ты уже заработал их,— лицо посланца посветлело.— Ты верно служишь нашему генералу.

— Да, я умею служить верно... тем, кто делает добро мне... и моему Отечеству.

¹²⁵ *Omne simile claudet* — всякое сравнение хромает (лат), то же, что французское «*Comparaison n'est pas raison*».

¹²⁶ *Opera et studio* — трудом и старанием (лат).

– Так ты возьмешь деньги?

Сальварес услышал тяжелый шорох складок сутаны —вертер и листья, бросил взгляд на отошедшего к столу иезуита. Дроглая тень гладила его по лицу, уверенно, по-хозяйски отвечая на голос души.

– Да, я возьму их. Невесело быть бедным... Хоть я и сын губернатора... – Де Аргуэлло с дерзкой благодарностью взял протянутую звонкую от денег кису и вновь, как требовал того этикет, поцеловал перстень посланника.

– А теперь ступай. Я буду ждать тебя здесь шесть дней. Будь осторожен и бдителен – твой путь далек и опасен. По дороге особо избегай монахов других орденов. Под их видом могут сновать оборотни-убийцы.

Отец Мараффи прошелся туда-сюда четким военным шагом, словно готовился пройти перед строем. Сальварес заметил, как он тяжело вздохнул, как потускнело его лицо, как над бровью, где алело свекольное пятно, собрались крупные складки.

– Помни: ныне в твоих руках, сын мой, спокойствие и благополучие нашего Ордена, и ты уже не просто команданте де кампо своих волонтеров, а всадник правды и справедливости. Иисус да поможет тебе. Ты достоин большего, сын мой, и вернешься в Мехико уже в новом чине. И последнее. Это подарок тебе от нашего генерала.– В жилистой, крепкой, как солдатский ремень руке падре Мараффи тихо брякнули слоновой костью старинные четки.– Они старше нас всех

в три раза. Слова благодарно-сти ты скажешь его святейшему при встрече,— улыбнулся наставник.

Сальварес растерялся: старый иезуит точно читал его мысли.

* * *

Где-то далеко, в каменных лабиринтах ущелий плакала сова, точно придушенный в колыбели младенец. В звездной диадеме, в легкой кисее облаков горы потягивали красноватый напиток зари. Журчащий прозрачным хрусталем ручей шептал притихшим камням спасительные слова пред-рассветных молитв.

Сальварес обрадованно вдохнул полной грудью свежего воздуха. Тайная подземная тропа иезуитов подняла его по каменному плетняку ступеней наверх, туда, где веяло прохладным, но живым и легким воздухом.

Здесь, наверху, в царстве живых таявшая ночь еще пыталась победить светлеющее сумеречье глубокой теменью небес, но после спертого, тяжелого мрака пещеры де Аргуэлло поначалу показалось, что уже светло. Всё окрест: и налитые вековым молчанием камни, и седые кряжи, и слюдяная гладь ручья, и даже пламя костра, который поодаль, у козьего загона жгли двое монахов,— всё приняло единый цвет выгоревшей полыни. Мир наполнялся жизнью через мерный храп лошадей да затихающие с рассветом свирели цикад.

— Бери лошадей и уходи,— донесся из-за спины тихий, но повелительный голос.

Исполняя приказ, лейтенант ровно невзначай обернулся, но различил в темноте лишь неподвижный безликий силуэт.

Ведя в поводу своего коня и осиротевшую кобылицу капраля Вентуро, Сальварес опасливо подумал, что и его, оступись он хоть на шаг от устава братства, ждет неминуемая гибель, на которую в столице обронят скупые слова: «Цель оправдывает средства».

Ночной ветер, что лобзал горячее, раскрасневшееся лицо младшего де Аргуэлло, казалось, тоже был ранен сей черной думой; слабо билась жилка у его виска, ему не под силу было сорвать листья – навязчивые мысли – с растрепанных голов деревьев.

Ставя ногу в серебряное стремя, Сальварес вдруг вспомнил лица старшего брата, отца, сестры... Лицо его стало бледным, как в день собственных похорон... Дурное предчувствие обложило льдом сердце. Всегда идущий по ветру опасности, не знающий страха, он, пожалуй, впервые познал это чувство. Он долго не решался пришпоривать коня: страшная жажда обжигала язык и холодели мокрые ляжки, как половинки ножниц.

Каменистая тропа, змеясь сквозь серые сумерки, вела его к отряду, к сырým хижинам бедняков, пропахшим соломой, к деревянным складам, к заросшим плющом и розами асьендам с грязными патио, провонявшими конюшней, к лавкам трактирщиков, где воруют, обманывают в карты, торгуют сеном и в темных углах давятся тулапаем погонщики, метко

сшибая плевками назойливых мух... Живет ли там мысль подо лбом? Есть ли желания, страсти, идеи... иль все на животных рефлексах: пощупать, понюхать, сожрать? Чиканос, эти прирожденные торгаши, любят заложить ногу за ногу, опираясь на грязную, липкую стойку с видом заправских бездельников... Шарят с сердитой бранью в сальных бумажках... Сдачи у них сроду нет... Вечная история! И вот за них мы, идальго, должны проливать свою кровь?.. Он мысленно видел их глаза, глаза своего народа – соловые от усталости, страха и дешевой выпивки... Их стопы червем извивались по пыльным, выжженным солнцем улицам, а лохмотья пестрой одежды давно затвердели от пота, грязи и крови.

Де Аргуэлло потянул повод вправо – тропа сворачивала; тишина плавила мерный цокот копыт лошадей, позвякивание ножен его клинка, мелкие шажки койотов, рыскающих в распадках в поисках падали...

«Отец, брат, сестра... – Сальварес на миг прикрыл уставшие веки. – Неужели всё кончилось, Луис? Кончилось навсегда? Что случилось с нами? Ведь я помню, мы были с тобой неразлучны как нитка с иглой... Господи, как же мне жить, чтобы на душе было легко? “Живи как человек – набело – вот и всё...” – вспомнились мудрые слова краснокожего старика, что водил их ловить слепых рыб в туфовые пещеры. Луис – он, может, и отважен, но безрассуден... Стоило ли так обижать нашего отца? Эта смазливая девка с пыльной окраины Мехико... Бешеная собака не перестанет кусаться,

пока ее не убьют... – Сальварес злорадно ухмыльнулся, перебирая свободной рукой пожелтевшие от времени крупные зерна подаренных четок.– Я видел брата и в радости, и в горе, но такого лица, как после смерти его приبلуды... Всё-таки странная штука жизнь... Все прежние годы я не верил в судьбу, плевал на нее... всё так... Но выходит: она есть, черт возьми! И именно она не дает мне нынче спать... Что ни придумай, что ни скажи, а мы все на земле жертвы Фату-ма, вот в чем суть, amigo... Разве капрал предполагал, что едет на смерть, а я?.. Клянусь честью, даже не догадывался...

Вот и с Луисом та же песня... Он уверен в своей победе, я – что он проиграл. Но истину знает только Всевышний. Для меня дело чести – быть убитым хоть сейчас, но драться за правое дело. Он занимается тем же... Но, видно, по другую сторону... Он так же, как и я, не отказывается нанизывать своих врагов на шпагу, пожалуй, потому, что еще жив, наверное, потому, что мы из одного гнезда, из одного куска теста. “Вы из хорошей семьи, сеньор де Аргуэлло, но вас дурно воспитали,– всплыли теперь в памяти слова незабвенного отца Мендосы.– Всё правильно, сын мой: когда в кошельке много золота, его всегда не хватает... и начинаются худые мысли и неправильные дела...” Ну что ж, может, старик в чем-то и прав...» —Сальварес стряхнул рассеянность внутреннего монолога и поспешил осмотреться: горы теснились мрачными храмами, хранящими в своей немоте обет молчания. Ветер теперь морозил лицо, точно к рассвету объелся

льда, на спуске сорвал с головы шляпу, и Сальваресу пришлось проскакать за ней. Она не давалась. Наконец он ее изловил. Так гоняются по двору за домашней птицей.

Завернувшись в серапе, он крепче ожег плетью коня.

«В конце концов к черту эти безумства души! Даже если они полны прекрасной морали. Я солдат, и плохо умею предаваться скорби души. Червонный ручей крови... Застывшее в смерти тело... Нет, довольно метафор... Брат нем ко мне как эти чертовы горы... А должен быть мне благодарен за то, что остался жив».

Впереди сонно замерцали огни долгожданного пуэбло. Де Аргуэлло усмехнулся и похлопал перчаткой сырой от пота атлас шеи коня. Он знал: там его ждали ровные ряды бутылок, сверкающий зигзаг пылающих свечей в канделябрах, яркие шатры юбок веселых мексиканок и серебристый перебор испанских гитар...

Часть 7 Чёрная свеча

Глава 1

Счет времени был потерян. Дни сменялись ночами, и даже рассудок, казалось, тонул в тупой животной усталости. Тяжелая дорога в шлюпе вымотала всех. Фляжка с нагретой солнцем водой была бесконечно тяжелой, поднять и поднести ее к растрескавшимся губам помогало лишь то, от чего хотела избавиться голова: от сознания неминуемой гибели, от физического ощущения своей медленной кончины – разбитого усталостью тела, от тускнеющих глаз, от липкого холода грязных одежд и монотонного, сводящего с ума скрипа уключин.

Аманда со страхом опускала кожаную фляжку, на мгновение задерживая руки на весу, точно боялась разбить ее о дно шляпки. Она отказывалась от скупых предложений капитана помочь ей... Дрожащими пальцами протирала сырым платком спаленную солнцем шею, скользя по пустынному берегу глазами, словно оторвавшимися от исхудавшего, ставшего чужим лица.

Полумертвую, с хиновым привкусом во рту и глазами, полными сухого отчаянья, едва держащуюся на ногах, ее укладывали на растеленное тряпье, от которого нестерпимо

несло йодом и еще чем-то сырым и затхлым.

Корма, на которой ютилась англичанка, от мужчин была отделена неровным отрезом парусины... Сидеть там или лежать приходилось в ужасной тесноте, среди захваченных на борт вещей, прижатых друг к другу, словно сардины в бочке. Однако ужаснее всего было справлять естественные надобности, душившие своей природой, с которой хочешь не хочешь приходилось считаться, уповая на саван ночи, когда краска стыда на щеках Аманды была видна разве равнодушной луне и звездам.

Зной, соленая вода, дикая зелень берегов, зловоние протухшей воды, кою невозможно было вычерпать, лишали мисс Стоун всякого самообладания, и она порою ловила себя на том, что считала немые крики своей души, замурованной в склепе отчаянья.

Приказчик, медный от солнца, как давно не чищенная пряжка – ногти и глаза темные, цвета сырой глины, – попеременно с капитаном сидел на веслах. В беде его поддерживала мысль, что он назло превратностям судьбы жив, и второе – черт на ладан – он когда-нибудь да вернется к месту, где ими был высажен Гелль. «Сундук слишком тяжел... слишком для старика, – злорадно итожил Тимофей. – Один бес, он его там закопает... А уж я-то всё саблей протыкаю... сие не в зазор – озолочусь».

Тараканов жил этой смутной надеждой, черной и сладкой, как патока. Казалось, целую вечность он ожидал такого слу-

чая, и вот он – на тебе в руки, ан нет! Глухая и глубокая, что омут, злость на капитана, на его категоричное «нет» жалила и кромсала душу... Этого решения он ему простить не мог, однако без лодки и помощи напарника бедовать на берегу, среди диких было глупо. «Ладно, пушай,– тешил он себя.– Выше ветру головы не носи. Тихий воз на горе скорее будет. Тятка сызмальства учил тебя плетью: “Думай думу без шу-му. Что хорошо, то с поотдышкой”». Стиснув ороговевшие от мозолей ладони, он давил массой на весла и час за часом, день за днем смаковал свою затею: «Золото не в золото, не побыв под молотом. Еще возьмем свое, погуляем!»

Сам капитан тоже заметно сдал. Обычно спорый на дело и слово, он нынче молчал. Жажда и зной убивали последние слова и чувства. Виски стягивал высыхающий пот, плечи ломило от весел, ровно их били палкой. Не то на пятый, не то на шестой день пути за борт была брошена большая часть клади, прежде почитавшаяся неприкосновенной. Шлюпка теперь шла налегке, так как с каждым днем легче становились и их дорожные мешки. Кончалось продовольствие, взятое с пиратского брига. И это тоже заставляло беглецов ускорять свой «шаг».

– Уж нашто земля русская велика, а всё нам ее мало, что татарину кумыса. Уж куды залетели, ваше благородие... – цыкал, скрипя зубами, приказчик.– Всё за иноземцем равнямся: он кусок рвет – и мы следом, он в по-лымя за капитаном – и мы туда же. Эх, мать нашу... Вечно на Россию вла-

дыки с гербами пытаются вздеть портки с чужого плеча. А я такие соображенья имею: чужое взять — свое потерять. Шире себя жить — добра не наживешь.

Преображенский, изучая карту, разложенную на свободной банке¹²⁷, не ответил на «пулю» приказчика, но для себя припомнил переписку с Осоргиным.

Алешка прежде писал: «...Ныне многие мздоимцы лезут в политику, брат, оттого как сие более доходное поприще, чем вооруженный грабеж... Сей “край” для них целина, поле непаханное, золотое дно... А, вообще, замечу тебе, Андрюша, трудно у нас сказать что-то настолько глупое, чтобы удивить Отечество. Особенно сие заметно стало по-сле двенадцатого года... Часто случается быть званым на высокие собрания, а там — *bellum omnium contra omnes*...¹²⁸, *baise-main*¹²⁹, *bal masquй*, *bel ami*¹³⁰, и беседы, поверь,— слушать грустно. “Порядочным” у нас почитается тот “деятель”, что не врет без необходимости и не ломает спину зазря... На Москве и в Петербурге, говорят, можно месяц прожить без еды, но ни дня без иллюзий... Что-то в сем есть, *mon cher*, увы, слишком много правды... А у Строгановых новая шутка на устах: дескать, все люди — евреи, только не все об этом

¹²⁷ Банка — сиденье для гребцов на шлюпке.

¹²⁸ *Bellum omnium contra omnes* — война каждого против всех (лат.), слова Гоббеса. (Прим. автора).

¹²⁹ *Baise-main* (фр.) — целование рук у женских великосветских особ или царского дома.

¹³⁰ *Val masquй*, *bel ami* — бал-маскарад, сердечный друг (фр.).

знают. Как тебе? А по мне, сей ход сами жида и придумали. Обрезанного не пришьешь... вот и плетут сети тихой сапой. Много у нас и других героев никчемных горизонтов: “Смирно! Вольно! Свистать всех наверх! Для встречи его СВИ-СТейшества по правому борту построить команду!” И строимся, и встречаем очередного колосса с глиняной головой. А он туда же: “Здравствуйте, молодцы-герои! Вижу Державу нашу в блестящем будущем... Силу ее великую зрю! Русское Черное море, Северное, Тихий Океан, Америка... Воля России! Я восхищен вашим чистым помыслом и, так сказать, благородством души! Не посраим и преумножим...” – а позже, за коньяком и портьерой: “Сколько изволите отстегнуть, любезный, за красный глагол при честном народе? Не забыли? Не слышу, милейший? Ах, никак нет! Полноте врать, не слышу согревающего жизнь хруста купюр у себя в руке...”

Так-то, брат Андрюша, весело живем, хоть плачь... Одно радуется: память людская... Боюсь, отстранят скоро нашего покровителя и заступника графа Румянцева... Не по душе он пришелся сам знаешь кому... Не дай Бог, Andre, не дай Бог! Но я так полагаю: Ушакова¹³¹ тоже прежде отстраняли от моря, а море-то его нет, не забывает, равно как и народ русский... Да мало ли у нас таких имен, кто высочайшим

¹³¹ Ушаков, Федор Федорович (1743—1818) – известный адмирал, в 1790—1791 гг. несколько раз разбивавший турецкий флот на Черном море, а в 1799 г. в Средиземном море успешно действовавший против французов. (Прим. автора).

указом обижен и оскорблен? “Были ли победы, друг мой, у вас? Где? Когда? Прошу вас громче, не слышу... Ах, да, да, да... Благодарю за службу... Вот вам Владимира крест, думаю, грудь не прожжет, благодарю, голубчик, от всей души...” А позже приказ: “Пусть-де в деревне своей баталии вспоминает...” Вот и весь сказ. До слез обидно, когда такая горькая правда в Отечестве твоём есть... Как хочется порой сказать всем этим краснорожим степенствам: “Позвольте вам выйти вон!” Увы, увы... справедливость в России всегда торжествует посмертно. Полянский – помнишь его, ротмистр из Смоленска, – шутит: “Истина всегда секретна. У нас чаще бывает время, когда труднее выжить, чем умереть. Ежели и дале так пойдет – фамилий останется много, а имен, простите, не будет”. Веришь, Andre, случается: нагладишься на всё это, и слышишь, как совесть ночью шепчет тебе: “Брось ты меня, дурак. Живи, как все”. Да, брат, немногие, видно, были вскормлены у нас росой побед и молоком славы. Чести в иных искать —напрасный труд... Ну-с, да что там... покуда в наших жилах течет кровь, поборемся. Окончательно смиряет с жизнью только кончина, а мы еще молоды. Обнимаю тебя и спешу ободрить: годы мчатся быстро, но быстрее времени летят деньги, а без них, звонких, порой и день тянется в век»...

Андрей машинально свернул карту и уложил в ранец: «Стоит ли ворошить прошлое... Там уже никого нет. А что ж прикажешь: жить, как зверь, одним днем?»

Сердце капитана заняло, когда он бросил взгляд на забрызганный морской водой, выгоревший добела кусок парусины. Джессика... Разве он мог подумать, допустить то, что теперь открылось. Всё, что он узнал, казалось ему сном: наполовину кошмар, наполовину комедия-буфф. И он в ней был главным обманутым действующим лицом и смотрел на всё это, балансируя на проволоке смерти, застигнутый врасплох предательством своей же любви. Ныне, после всех выяснений и ссор, он не чувствовал боли, он не чувствовал ничего, кроме горького осадка. Волнения улеглись. Душа умерла.

Глава 2

«Хуже дурака может быть только старый дурак», – капитан в сердцах сплюнул за борт, сменил Тимофея на веслах. Над изумрудной зеленью берега, над склонами среди зарослей, превращенных птицами в музыкальные шкатулки, и над дикими голыми пиками гор плыли айсберги облаков, несущих на хребтах сокровищницу света нарождающегося дня.

Тяжелые весла отдались знакомой болью в стертых до кровавых волдырей ладонях. Тараканов по-товарищески подмигнул сменщику и пробрался ближе к корме, где находился лежак. Единственным желанием его было всецело отдаться сну. Андрей уныло проводил Тимофея взглядом. Свежо пахло морем, попавшим в зеленые сети леса со всей своей рыбой, со своими звездами, своими кораллами, глубинами и течениями...

Ритмично опуская лопасти весел в зелено-синее стекло воды, Андрей предался оупляющему, монотонному состоянию надсады: и – раз... и – раз... и – раз... и – раз...

Местами там, где не чернели тени брюхатых облаков, вода еще отражала бледное звездное небо. Временами мимо шлюпа проплывали странные, доселе не виданные Преображенским обрывки красных и желтых водорослей, ветки деревьев с зелеными оспинами листьев и еще какая-то невнятная мелочь. Вода плескалась и чмокалась о бока шлюпки,

сонная, маслянистая, пахнувшая талым снегом.

– И – раз... и – раз... и – раз... вдох... выдох... – обрывки фраз, калейдоскоп последних дней закружил сознание, память вновь начала выбрасывать накопившуюся горечь обид...

* * *

– Знаешь, Джесси, когда всё слишком похоже на правду, значит сие ложь.– Андрей твердо и жестко смотрел в непонимающие глаза своей пассажирки.– Довольно игры. Я пришел к вам, мисс, с определенным намерением. И на сей раз не уйду, пока не удовлетворюсь ответом. Возможно, это наш последний привал на этом чертовом берегу... И я наконец-то хочу полной ясности!

– Я не понимаю,– знакомый холод скользнул по спине и сковал тело Аманды. «Вот он, решающий момент, настал».– Я не понимаю тебя, Andre...

– Ах, не понимаешь?! – пальцы капитана сжались сами собой.– Зачем вы здесь? На что надеялись?

– Хотите, чтобы я солгала?

– О нет...

– Но... да, да! Вы и так знаете всё, чего же более?

– Это ложь! Беспардонная ложь, мисс. И вы всё это знаете не хуже меня! О, как вы умеете! «Я так устала...», «Весь этот кошмар потерял смысл...», «Боже, чем встретит нас Калифорния?.. Может быть, теми же загадками и страхами...» Зачем вся эта пудра, дорогая? Ну уж нет, на этот раз тебе не

обвести меня. Больше загадок не будет.

– Какая мерзость! – Аманда вспыхнула, словно свеча.– Жить не хочется.

– Мне тоже.– Его нервный, с хрипотцой голос был лишен каких-либо теплых, пусть даже льстивых интонаций.

«О Боже! Да у меня просто какой-то дар к невозможным ситуациям... Я должна, я обязана быть осторожной... Господи, дай мне силы!» – не переставала повторять сама себе Аманда, пока они с капитаном в напряженном молчании шествовали вдоль пустынного берега.

– Ну вот что, Andre... Если это шутка, то она затянулась, и более того: от нее, прости, дурно пахнет. Шуткой нельзя сделать из врага друга, зато можно из друга – врага. Чья сплетня опять ужалила вас? Ах, я понимаю, сплетня – это изысканное, ни с чем не сравнимое удовольствие, к тому же начисто лишенное риска. Не так ли?

– Джесси!

Её охватила дрожь при звуке его голоса, полного раздражения и гнева, но отступить было поздно.

– А вы, похоже, из тех «камней», которые готовы расплатиться страданиями других людей за свои правила?

– Принципы.

– Бросьте, какая разница? Вы эгоист! Вы отвели мне здесь роль кошки.

– Простите, кого? – Андрей от неожиданности приподнял бровь.

– Да-да, кошки, вы не ослышались, сударь. Кошка —ведь это крошечная пантера, коей дозволено ловить мышей, ненавидеть собак, покровительствовать человеку, но... увы, не решать за него, не так ли?

– А вам, что же, нужна только лесть? – сбитый с толку умелой атакой, растерянно огрызнулся капитан.

– Лесть? – она высоко рассмеялась, тряхнув распущенными волосами.— Ну что вы: лесть – как сигара, как трубка... в ней ровным счетом нет ничего вредного, если не затягиваться. Ну вам-то это не грозит. Ваши мнения обо мне меняются в зависимости от времени, качества, выпитого и съеденного. Что вы на меня смотрите, как людоед? В чем, в чем я виновата на сей раз? – кровь прилила к лицу Аманды. Она неожиданно остановилась и подошла к нему вплотную, сцепив его пальцы в своих.—Так что же такое важное вы хотите мне сообщить, м-м? Ах нет, позволь еще слово. Что ж, воистину правы древние: «ненависть без любви хрома...»

– Возможно, мисс.— Андрей освободил свои руки и, брезгливо утирая их платком, отрезал: – Но скажу и другое. Любовь без ненависти слепа.

– Так вы... вы ненавидите меня? – ее глаза заискрились от слез.— Боже, как я была наивна, доверчива и глупа... Я забыла простую житейскую мудрость: рыба и гость начинают пахнуть через три дня... Как же протухли наши отношения... Не подходите ко мне... Да, я люблю тебя, Andre, но жизнь с тобой – это всё равно, что жизнь в аду. Может быть,

слепцу действительно лучше жить? Во всяком случае не видишь всей этой грязи. Что ж, хозяева жизни всегда бросают крошки беднякам. Но я не такая... Я не нуждаюсь в жалости, как хромая птица.

– Джесси, остановись! – юбки зашуршали по камням.

– Эти увещевания лишние для моих ушей. И не думайте, капитан, что я не смогу без вас... Нет, не то что мне всегда нужен был рыцарь в блестящих доспехах, нет,—она гордо вскинула голову, смерив его холодным взглядом синих глаз.— Но согласитесь, всё же приятно, когда о тебе помнят и заступаются вдали от родного дома. Оставьте меня одну. Тебя никогда не волновало наше будущее...

– Да.— Андрей остановил ее, поймав за плечо.— Именно потому, что меня всегда волновало настоящее.

– Вы опять о тех серьгах и браслете? Но то была случайность...

– Возможно. Но та вещь, которую вы передали мне в трюм Коллинза,— это уже вторая случайность.

– Но позвольте!

– Позвольте вам не позволить!

Наступило молчание. Аманда потеряла дар речи, опустив густые ресницы. Она чувствовала всеми своими фибрами, как Преображенский по-новому, внимательно рассматривает ее. От всех этих вопросов у нее упало сердце, интуиция подсказывала: он знал или догадывался обо всем гораздо более, чем она могла представить. В то же время – Аманда

успокаивала себя – князь, Линда и Пэрисон мертвы, Гелль вряд ли что мог сообщить, потому как и сам ничего толком не знал, да и был сейчас далеко. «У меня нет откровенных причин опасаться, что он узнает о моих прежних связях... или задачах, поставленных Лондоном».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.